

XXXVI г.

№ 28

Выданъ 16-го июля 1905 г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 40 книгъ „Сборника“, содерж. соч. М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА и А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Подписная цѣна съ достав. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

г. XXXVI

1905

Къ этому № предлагается: „Полнаго собранія сочин. А. К. Шеллера-Михайлова“ книга 36.

Волченокъ.

Повѣсть

П. П. Гнѣдича.

(Продолженіе).

XXXIV.

Въ сочельникъ завернуть морозъ. Это не помѣшало мистеру ходить утромъ бо-сикомъ по снѣгу. Къ восьми часамъ ве-чера сошлись на елку ребята. Ихъ со-шлось человѣкъ пятнадцать, по предста-вителю отъ каждой семьи. Но леди было подробно извѣстно, сколько братьевъ и сестеръ было у каждаго и кому сколько подлежало послать. Подарки раздѣлялись на три категоріи: во-первыхъ, — сласти и яблоки; во-вторыхъ — игрушки; а въ-третьихъ — теплая одежды. Если бытъ справедливымъ, то нельзя не согласиться съ тѣмъ, что и сласти, и яблоки были самаго низшаго сорта: сласти давно уже высохли, и отъ нихъ остался одинъ са-харъ; въ яблокахъ же единственнымъ достоинствомъ было то, что они были не гнилыя. Игрушки были болѣе высокаго качества. Тутъ были для дѣвочекъ пуче-глазья куклы очень внушительныхъ вели-чинъ; тутъ были для мальчиковъ коньки и сани съ желѣзными полозьями. Зато, что касается одежды — шарфовъ, шапокъ, башмаковъ, сапоговъ, то все это было столь высокаго качества, что отцы дѣтей могли смѣло заложить ихъ въ любой пор-терной. Когда зажгли елку, мистеръ за-велъ музыкальный ящикъ, и комната огла-силась звуками штраусовскаго вальса. Леди заглядывала въ изумленные глазки дѣтей, гладила ихъ по головкѣ, раздавала игрушки и визжала больше ихъ всѣхъ. Мистеръ сидѣлъ въ углу, курилъ свои папирсы и пускалъ длинныя струи дыма. Въ самый разгаръ веселья явилась двор-ничиха и заявила, что хозяйинъ проситъ елку потушить, потому что это непорядокъ. Леди вдругъ вскинула.

— Фу! какой необразованный, сквер-

Іюльскій день. Картина Пратта, грав. Геданъ.

ный мужик! — воскликнула она. — Дѣти хотя́тъ развѣ въ годъ повеселиться, потому что это дѣтскій праздникъ, потому что теперь Христосъ маленький, и лежить въ ясляхъ, а онъ говоритъ про какой-то порядокъ.

— Онъ въ правѣ. Кэ́тъ, высказать свое мнѣніе, — остановилъ ее Гиббсъ. — Подите, женщина, къ вашему хозяину, и скажите, что я непременно елку потушу.

Когда она ушла, онъ завелъ въ ящикъ новую пьесу и заставилъ дѣтей скакать, трубить въ трубы и бить въ барабаны. Поднялся страшный содомъ. Онъ принесъ сковороду изъ кухни и билъ въ нее молоткомъ, въ тактъ общему гаму. Самъ онъ изрѣдка издавалъ дикіе вопли, въ родѣ воинственныхъ криковъ команчей, и въ эти минуты потрясалъ въ воздухъ сковородой. Изъ кухни пришелъ дворникъ и сказалъ, что Оому Ивановича желаетъ видѣть хозяинъ.

Гиббсъ посмотрѣлъ на него холодно и сказалъ:

— Хорошо, непременно, скажи, что зайду.

— Они сейчасъ просятъ...

— Сей-часъ?.. Скажи, сейчасъ я извиняюсь, — очень занятъ!

И онъ ударилъ снова въ сковороду.

Минуть черезъ десять дворникъ, съ вспотѣвшимъ лицомъ, снова явился въ кабинетъ.

— Его степенство сами къ вамъ пришли, стоятъ на парадномъ, — заявилъ онъ. — Позвольте допустить.

— Не надо мужика! — крикнула леди.

— Скажи, что очень радъ, — милости прошу! — невозмутимо сказалъ мистеръ, и обратился къ дѣтямъ:

— Ребятишки! во всю!

Поднялся вой, вопли, крики. Самъ Гиббсъ танцевалъ по серединѣ кружка, а леди махала кочергой, дирижируя всѣми, и очень смахивая въ лицо, и движеніями на вѣдъму, явившуюся на шабашъ.

Почтеннаго коммерсанта сперва эти крики оглушили. Онъ сдвинулъ брови, углы рта его опустились и не предвѣщали ничего хорошаго. Онъ понялъ, что встрѣча была устроена специально для него.

— Тише! — кричалъ Гиббсъ, — молчите, дьяволята! Развѣ вы не видите этого джентльмена?

Наконецъ, леди Кэ́тъ, при помощи кочерги, кое-какъ возстановила порядокъ.

— Извините, — сказалъ Гиббсъ: — мы здѣсь устроили маленький праздникъ. — Будьте добры, мистеръ Бормоткинъ, присядьте.

— Я-съ просилъ, — все болѣе сунясь, возразилъ мистеръ Бормоткинъ: — чтобы вы прекратили это...

— Что-съ?

— Да вотъ это... ликованіе.

— Ликованіе? Вашъ управляющій домомъ этого не предавалъ. Онъ сказалъ, что вы просите погасить елку, — и я ему общалъ. И погасу ее непременно, на ночь ее было бы оставлять опасно.

— Нѣтъ, ужъ вы сейчасъ... У меня постройки деревянные, долго ли до грѣха

— А у васъ не застраховано?

— Эта статья васъ не касается.

— Да вѣдь и та статья, что у меня елка, — тоже васъ не касается.

— И даже очень. Вотъ вы пищихъ со всего прихода собрали, а у меня на дворѣ полѣнницы сложены. Растащутъ — вы за нихъ не отвѣтите?

— Отчего же. По полѣну на брата — пятнадцать полѣнъ. Цѣлковый получите. Дороже не стоитъ.

— Цѣлковымъ вы меня не прельщайте, а Гоморру эту попросилъ бы прекратить совершенно и досканально. Это-съ дебонъ.

— А вы, почтеннѣйшій, вчера собственнаго первенца таскали за вихры, — вѣдь и это-съ дебонъ? Однако я не протестовалъ.

— Извините, я хозяинъ.

— Извиняю.

— И въ своемъ домѣ волѣнъ.

— Сыновей бить?

— И даже жильцовъ укрощать.

Онъ подошелъ къ елкѣ и задулъ ближнюю свѣчку.

Гиббсъ всталъ съ мѣста.

— Если вы, мистеръ Бормоткинъ, осмѣлитесь потушить еще одну маленькую свѣчку, я возьму васъ поперекъ вашего желудка, вынесу на дворъ и положу въ сѣнь. А если ко мнѣ подойдетъ вашъ управляющій, я и его положу сверху васъ. Если вы всѣмъ этимъ будете недовольны, то обратитесь въ мое посольство, а вашей полиціи я не подчиненъ.

— Я васъ долгие марта держать въ жильцахъ не буду, — заговорилъ, весь дрожа, Бормоткинъ. — Извольте выѣзжать вонъ. Какъ контракту конецъ, такъ и вонъ.

Гиббсъ сѣлъ въ кресло и, положивъ ногу на ногу, такъ что онъ прилился выше его лица, сказалъ:

— Я выѣзжаю отъ васъ пятнадцатаго февраля. Если бы вы, и жена ваша, и всѣ сыновья три дня и три ночи стояли на колѣняхъ и слезно умоляли остаться, то и тогда я бы не остался. Я получаю правительственное назначеніе въ Египетъ, и выѣзжаю туда съ своей свитой въ концѣ февраля. Поняли? А теперь можете идти. При этомъ я вамъ запрещаю кланяться со мной при встрѣчѣ. Вы должны дѣлать видъ, что меня не замѣчаете, и смотрѣть прямо передъ собой. А теперь — разговоръ конченъ.

Онъ снова вскочилъ и грянулъ въ сковороду. Кочерга леди поднялась, — и общій гамъ наполнилъ комнату. Бормоткинъ плюнулъ и хлопнулъ дверью.

— Тише, бѣсноватые! — закричалъ Гиббсъ, увѣрившись, что хозяинъ ушелъ. — Пора по домамъ. Дождитесь того, что васъ хозяинъ всѣхъ переноретъ. Забирайте подарки.

Поднялся новый гамъ, смѣхъ и слезы. Леди утѣшала и снаряжала ребятишекъ. Гиббсъ подошелъ со свѣчкой къ окну, посмотрѣлъ на термометръ и сказалъ:

— Ого, шестнадцать мороза!

Онъ зажегъ бензиновую печурку и началъ кипятить себѣ пуншъ. Когда ушли дѣти, онъ открылъ форточку, усеялся въ свое кресло и вопросительно посмотрѣлъ на леди.

— Что же, вѣдь надо кончать? — сказала она.

— Черезъ недѣлю будетъ кончено, — отвѣтилъ онъ. — Работы дня на три.

— Общано было раньше.

— Ледъ только теперь окрѣпъ.

— Вы когда, мистеръ Томасъ, думаете ѣхать?

— Сегодня.

— О! — вырвалось у нея. — Почему же въ такую ночь?

— Въ такую ночь лучше.

— Морозъ. Извините, я запру форточку.

— Завтра утромъ хорошо можно рыбу ловить.

Онъ посмотрѣлъ на часы.

— Черезъ часъ будутъ лошади, я ужъ заказалъ.

— Какія же ваши распоряженія? — спросила она.

— Вы возьмете, Кэ́тъ, съ собой этотъ портфель. —

Я возьму съ собой чертежныя принадлежности. — Если бы...

Онъ перешелъ на англійскій языкъ.

— Если бы почему-нибудь здѣсь былъ обыскъ, въ чемъ я сильно сомнѣваюсь, — это было бы для нихъ рискованно, — то кромѣ старыхъ журналовъ ничего не найдутъ. Вы знаете, я всегда на чеку, и, выходя изъ воротъ, знаю, что быть — можетъ, мнѣ не будетъ расчета сюда вернуться.

— А гдѣ я васъ могу видѣть? Тамъ же?

— Ну, да, у Гуймы, въ томъ же помѣщеніи, и лучше всего поздно вечеромъ.

Онъ еще разъ посмотрѣлъ на часы и кликнулъ Петю.

— Иди ужинать въ дворницкую, — сказалъ онъ: — и черезъ полчаса будь дома.

Когда онъ ушелъ, мистеръ Гиббсъ и миссъ сидѣли нѣкоторое время молча. Потомъ она встала и близко подошла къ нему.

— Миѣ будетъ жаль, Томасъ, если вы совсѣмъ уѣдете, — сказала она.

Онъ пожалъ плечами и затынулся.

— Очень жаль, Томасъ. — Я къ вамъ такъ привыкла въ послѣдніе два года. Я люблю васъ, Томасъ.

— Уо! — сказалъ онъ, и посмотрѣлъ на нее снизу.

— Серьезно, — продолжала она, кладя ему руку на плечо. — Вы знаете, что я не молоденькая дѣвочка, способная на увлеченіе. Въ мои годы страсть является прочнымъ чувствомъ. Я васъ люблю, Томасъ. Скажите миѣ одно слово, и я послѣдую за вами даже въ Гренландію и на Огненную Землю.

Гиббсъ снялъ ее руку съ своего плеча и поцѣловалъ.

— Миѣ дорого ваше чувство, Кэтъ, — сказалъ онъ. — Но я не считаю себя въ правѣ принимать жертвъ отъ какой бы то ни было женщины. Вы знаете мою должность, и должны согласиться, что въ этическомъ отношеніи можно сомнѣваться въ ея порядочности, хотя, конечно, можно все прикрыть патріотизмомъ. Сегодня я въ Россіи, на будущій годъ въ Австраліи, потомъ въ Египтѣ, въ Японіи, — буду тамъ, куда меня командировать. Я каждую минуту рискую быть если не повѣшеннымъ, то разстрѣляннымъ. При такихъ обстоятельствахъ связывать свою судьбу съ женщиной по меньшей мѣрѣ нечестно.

Она низко опустила голову.

— При томъ, Кэтъ, ваше положеніе блестяще. Вы, живя на всемъ готовомъ и имѣя уроки въ двухъ дворцахъ, болѣе чѣмъ обезпечены. Вы сами говорите, что откладываете въ годъ по пяти тысячъ. И бросить все это, чтобъ идти за несчастнымъ бродягой?

— Вы не бродяга, Томасъ, — восторженно сказала она. — Вы превосходный инженеръ и топографъ. Я не знаю, Томасъ, вашего настоящаго имени, да меня это и не интересуетъ. Я люблю въ васъ несокрушимую энергію, силу воли, презрѣніе къ опасностямъ. Но, конечно, разъ я не встрѣчаю взаимности — не о чемъ говорить. — Я тоже храбрая женщина, Томасъ. Я въ минуту опасности заступилась бы за васъ, какъ преданная собака. Я стрѣляю не хуже васъ изъ револьвера, и притомъ, какъ женщина, я хитре васъ. Я могла бы провести вашихъ враговъ, направить ихъ въ ложную сторону... Но нечего теперь объ этомъ говорить. Вы не любите меня... Вопросъ конченъ.

Она вытерла глаза платкомъ и схватила его за руку.

— Но мы останемся друзьями навсегда, не правда ли? Вы не оттолкнете моей дружбы?

Онъ опять поцѣловалъ ее руку.

— Вы хорошее, славное существо, Кэтъ. Клянусь вамъ, если я рѣшусь когда-нибудь жениться, я женюсь на васъ.

— О, Томасъ! — воскликнула она, и хотѣла броситься къ нему на шею, но удержалась и прибавила: — А когда же это будетъ, Томасъ?

— Когда у меня будетъ состояніе въ сто тысячъ фунтовъ, по здѣшнему счету — въ миллионъ. Тогда я куплю себѣ коттеджъ и буду жить рантьею.

— А вамъ много осталось? — осторожно спросила она.

— Въ этомъ году я перехожу на седьмой десятокъ, — отвѣтилъ онъ, и что-то въ родѣ торжествующей улыбки освѣтило его лицо.

На дворѣ брякнули бубенцы. Онъ подошелъ къ окну.

— За мной пріѣхала кибитка, — сказалъ онъ, и не

торопясь притянулъ къ себѣ миссъ. — Итакъ, черезъ пять-шесть лѣтъ, когда я скажу — «пора!», моя Кэтъ броситъ все и прилетитъ къ Томасу... Впрочемъ, нѣтъ, не къ Томасу, а къ Джерому... Да?

— Да, Джеромъ! — стыдливо отвѣтила миссъ, и опустила голову на его плечо.

XXXV.

Послышался стукъ отпиравшагося замка, и въ дверяхъ показалось возбужденное лицо Пети.

— Ома Ильичъ, за вами кронштадтка пріѣхала, — доложилъ онъ. — А потомъ, сейчасъ вотъ дворникъ...

Онъ даже задохнулся отъ волненія.

— Сейчасъ старшій дворникъ говоритъ, что хозяинъ такъ на васъ обозлился, что хочетъ жаловаться въ полицію. Онъ говоритъ, что вы не англичанинъ, а жидъ, и паспортъ у васъ не свой...

Гиббсъ посмотрѣлъ на Кэтъ.

— У этихъ идіотовъ иногда бываетъ нюхъ! — сказалъ онъ по-англійски.

— Какъ, говоритъ, пройдутъ праздники, такъ я сейчасъ въ полицію, — продолжалъ мальчикъ.

— Очень хорошо, — сказалъ ему мистеръ. — Ну, а пока поѣдемъ рыбу ловить.

Петька такъ весь и вспыхнулъ отъ восторга.

— И меня беретъ?

— Надѣвай все теплое. На морѣ смерзнешь.

— Не смерзню! — весело откликнулся онъ, кидаясь на кухню.

Леди уже не было, когда Петя, въ валенкахъ и въ шапкѣ съ ушами, вошелъ въ кабинетъ. Онъ стащилъ въ кибитку погребецъ, еще какой-то сундучокъ и большую медвѣжью шубу.

— Я ѣду на три дня, — говоритъ Гиббсъ старшему дворнику: — ѣду на охоту, пожалуйста, чтобъ все было въ порядкѣ. Вотъ тебѣ праздничные.

Онъ сунулъ ему бумажку. Тотъ посадилъ его въ кибитку, прикрылъ его полостью. Ямщикъ тронулъ маленькихъ, сытыхъ, похожихъ на бѣлокъ, коньковъ. Рождественскій снѣгъ заскрипѣлъ подъ полозьями. Возокъ выѣхалъ за ворота и, гремя бубенцами, покатился къ Невѣ. Дворникъ заперъ ворота и, войдя въ дворницкую, развернулъ бумажку.

— Должно, ошибся! — сказалъ онъ женѣ.

— А что?

— Да десятирублевку сунулъ.

— Можетъ, фальшивая?

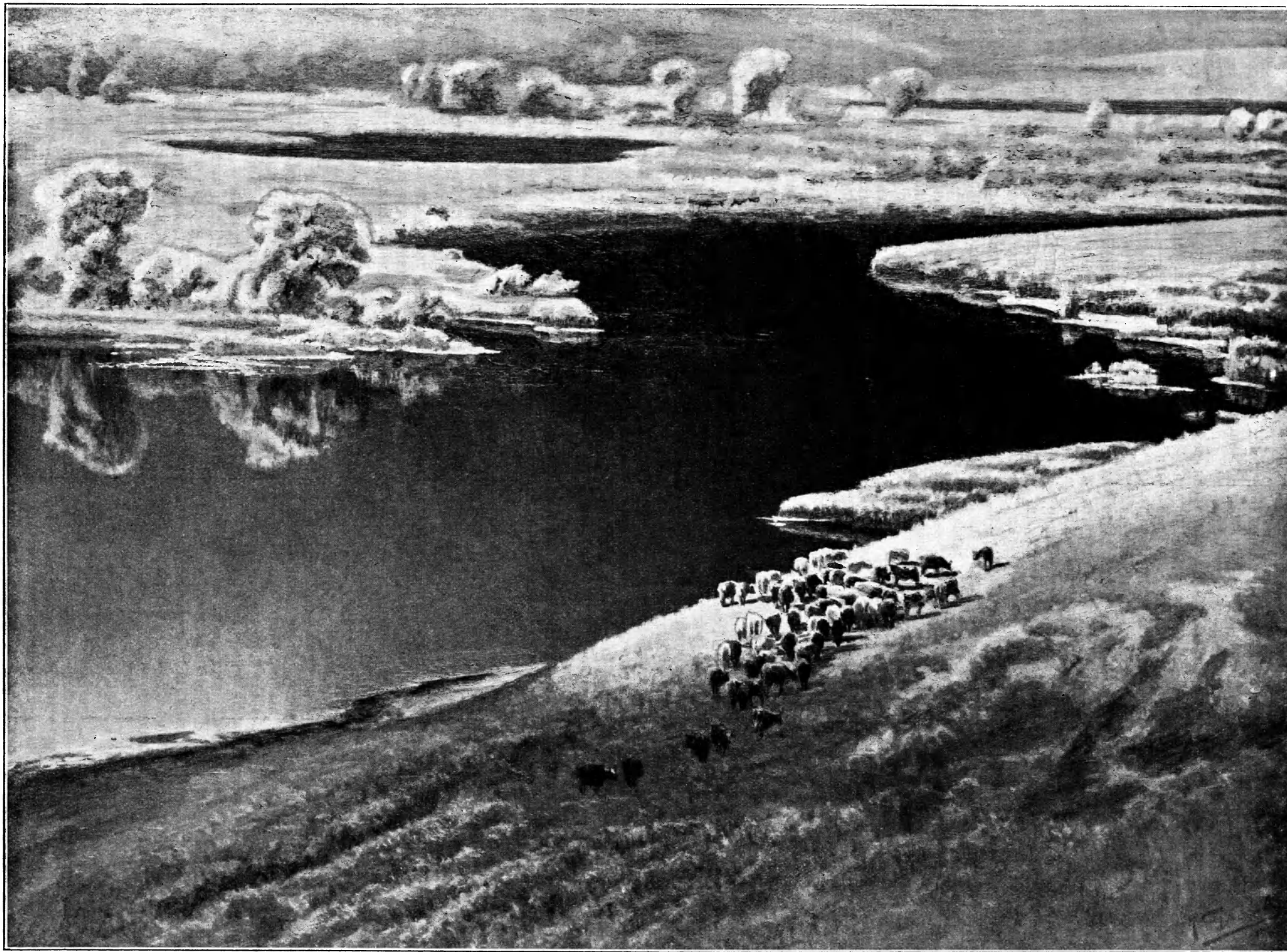
Онъ посмотрѣлъ на свѣтъ.

— Нѣтъ съ водяными видимостями, какъ слѣдовало.

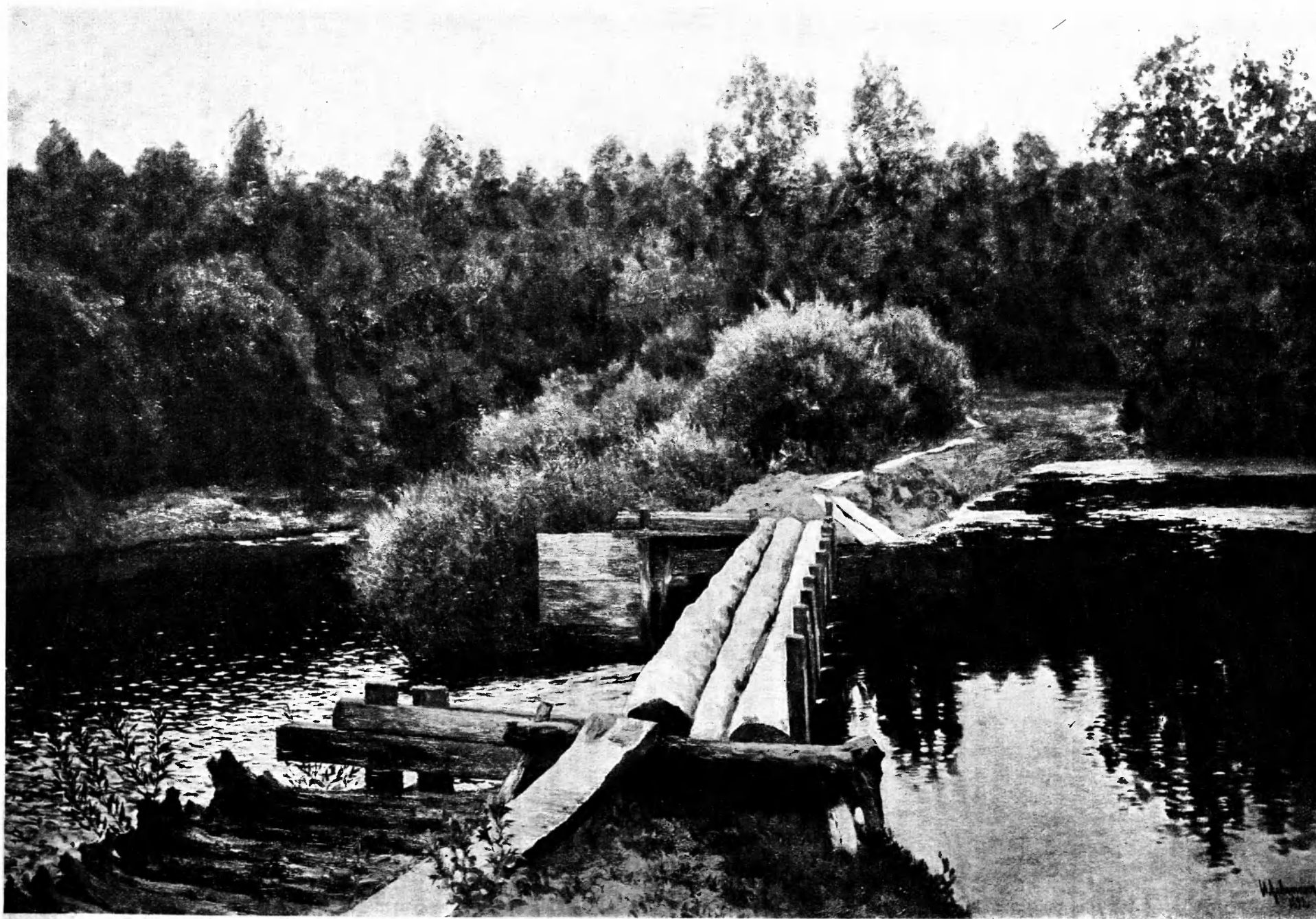
— Тутъ и моя трешница, — отозвался съ нечки подручный.

— Жирно будетъ. Цѣлковый, какъ разъ тебѣ по мѣркѣ.

А тройка тѣмъ временемъ спустилась на ледъ Невы, взяла накосъ, мигомъ перенеслась на другую сторону, и мимо огромныхъ мрачныхъ зданій, съ арками и грузными колоннами, понеслась по залитымъ луною улицамъ. Звѣзды ярко горѣли, точно золотистый песокъ былъ разсыпанъ по черному бархату. Петя сидѣлъ подъ теплою мѣховой покрывкой и чувствовалъ себя до того счастливымъ, до того блаженнымъ, какъ никогда еще въ жизни. Гиббсъ казался ему какимъ-то добрымъ волшебникомъ и все вокругъ него волшебной сказкой. Пристяжныя скакали, и отшлифованныя снѣгомъ подковы сверкали на мѣсяцѣ, какъ зеркало. Иногда сухіе комки снѣга, какъ пули, залетали подъ кузовъ и больно царапали лицо. Но и это ощущеніе для мальчика было приятнымъ. Вотъ пронесся мимо старинный мостъ съ гранитными большими башнями. Вотъ огромныя чугуныя ворота съ лошадьми наверху. Кибитка нырнула въ ихъ арку, и они очутились за городомъ. Гиббсъ молчалъ. Мальчикъ не рѣшался заговорить съ нимъ. Онъ при-

Грозный контрастъ, Картина Н. А. Сергеева (XI Выставка СПб. Общества Художниковъ), авт. «Нивы».

У омета. Картина И. Левитана, авт. «Нивы».

куриуть въ уголѣ и слышать, какъ безостановочно звенятъ бубенцы, и какъ неподвижно смотритъ на него фотическій глазъ какой-то звѣзды. Потомъ глаза его стали слипаться. Недавній ужинъ и тепло шубы убаюкали его, и онъ тихо заснулъ.

Онъ проснулся отъ того, что бубенцы замолкли. Лошади стояли посреди дороги, и ямщикъ поправлялъ у коренной оголовокъ. На синемъ небѣ ясно рисовались огромныя башни, ворота и кресты. Въ окнахъ, несмотря на полночь, свѣтились огни. Два монаха стояли у воротъ и расплачивались съ извозчикомъ, и извозчикъ говорилъ:

— Батюшка, ваше благословеніе, для праздничка-то прибавьте. Зазнобилъ весь, дожидаячися у вокзала.

«А я не зазнобилъ, мнѣ тепло!»—радостно подумалъ Петя, закрывъ глаза и почувствовать, что возокъ снова тронулся въ путь.

Его разбудилъ Гиббсъ.

— Проснись, мы прѣхали!

Петя мигомъ очнулся, но увидѣлъ, что они еще ѣдутъ. Справа тянулась огромная снѣжная пустыня, а слѣва шли холмы, покрытые снѣгомъ съ рядами ютившихся поверхъ нихъ домиковъ. Лошади, свернули съ дороги и стали тихо подниматься въ гору. Онъ вѣхалъ въ сонную темную улицу съ крестьянскими избами, и остановился у старой, какъ-то освѣщенной назадъ, избенки. Гиббсъ вытѣзъ и постучалъ въ окно. За окномъ сейчасъ же вспыхнулъ свѣтъ. Потомъ на крытомъ крылечкѣ показался фонарь. Темная фигура прошла по расчищенной дорожкѣ до калитки, шелкнула засовомъ и подошла къ повозкѣ. При колышущемся свѣтѣ огарка въ немъ можно было признать Елифанова.

— Какъ дѣла?—спросилъ, вытѣзая, Гиббсъ.

— Дѣла ничего,—отвѣтилъ Елифановъ.

— Ёдемъ на разсвѣтъ? Все готово?

— Готово.

Путники вошли черезъ темныя сѣни въ просторную комнату, оклеенную грошовыми обоями. По стѣнамъ стояли двѣ кровати, на которыхъ вмѣсто матрасовъ положены были мѣшки съ сѣномъ, на столѣ стояла такая же бензиновая кухня, какая была у Гиббса въ Петербургѣ, а рядомъ—дорогая рабочая лампа, которую Елифановъ тотчасъ принялся зажигать.

— А не померзнемъ на заливѣ?—спросилъ мистеръ, снимая валенки.

— Ничего,—успокоилъ старикъ. — Печку возьмемъ затопимъ.

— Лошади готовы?

— Овесъ ѣдятъ.

— Ну, ужъ нажарилъ ты здѣсь!

— Ничего. Теплѣе. Я ждалъ васъ къ утру.

Гиббсъ увидѣлъ, что Петя таращитъ глаза, а самъ спитъ стоя.

— Ложись,—сказалъ ему мистеръ:—только не раздѣвайся, на разсвѣтъ поѣдемъ.

Молодой, крѣпкій сонъ снова охватилъ мальчика. Онъ смутно слышалъ, какъ Гиббсъ закуривать сигару, и какъ Елифановъ рассказывалъ, что восемь прорубей было, и что если даже ихъ затянуло морозомъ, то ледъ хрупкій, проткнутъ легко.

— Хрупкій ледъ.—повторялъ онъ:—проткнутъ легко.

Во снѣ онъ опять слышалъ бубенцы, увидѣлъ леди, рассказывающую про апостола, про освѣщенную ночью перковь, и не могъ сообразить: во снѣ онъ видѣлъ, или нѣтъ, освѣщенные монастырскія окна, и черныхъ монаховъ у высокихъ круглыхъ воротъ.

Слегка свѣтало, когда разбудили опять его. Ему дали горячую кружку молока и кусокъ холоднаго пирога.

— Ынь,—посоветовалъ Гиббсъ:—а то съ голода подохнешь.

Самъ Гиббсъ оканчивалъ уже третій стаканъ пива, и былъ такъ же спокойно бодръ, какъ всегда. Они заку-

тались: Гиббсъ надѣлъ простой мужицкій полушубокъ, голову повязалъ башлыкомъ, надѣлъ башлыкъ на Петю, и сказали:

— Трогаемся.

— Я впередъ поѣду,—сказалъ Елифановъ.

— Поѣзжай,—сказалъ Гиббсъ.

Переднія санки представляли изъ себя чухонскія розвальни. Подъ рогожей лежалъ какой-то круглый предметъ, потому что-то длинное,—и все это было прикрыто старымъ, толстымъ рыбачьимъ парусомъ. Вторыя санки были поудобнѣе; но и въ нихъ лежали какія-то сѣти и шесты. Сюда сѣлъ Гиббсъ съ мальчикомъ, взялся за вожжи и началъ осторожно спускаться съ горы лошадь, оставивъ старика проѣхать сажень сто впередъ.

Въ полутьмѣ зарождающагося дня, теперь проступала передъ ними снѣжная равнина моря. Дорога привела къ пологому берегу; потомъ лошади спустились на ледъ и поѣжали рысцою по намѣченной елками дорогѣ. Море въ этотъ годъ застыло ровнымъ слоемъ, безъ горбковъ и ухабовъ, какъ это иногда бываетъ, когда наноситъ съ востока невскій ледъ. Несмотря на морозъ, крутился рѣдкій снѣжокъ, и сѣрое небо висѣло низко надъ самыми головами. Вокругъ никого не было видно на нѣсколько верстъ.

— Ну, если снѣгъ разоидется, плохо дѣло!—точно про себя пробормоталъ Гиббсъ.

— А что, рыба плохо клюетъ?—спросилъ Петя.

— Да... плохо клюетъ,—отвѣтилъ мистеръ.

Но снѣгъ скоро прошелъ. На юго-востокѣ заиграли желтые отблески зари, и навстрѣчу ей отозвались золотистыми блесками крупинки снѣга.

— Говорятъ, на Рождество солнце играетъ, когда вѣтаетъ,—сказалъ Петя.

— А вотъ посмотри,—предложилъ Гиббсъ.

Они проѣхали еще версты двѣ, и Елифановъ остановился.

— Здѣсь,—сказалъ онъ.

Вокругъ попрежнему никого не было. Съ запада поднялся рѣзкій острый вѣтерокъ,—предвѣстникъ восхода. Старикъ ловко раскинулъ маленькую самоѣдскую юрту и втащилъ туда круглую чугунную печку.

— Сейчасъ керосину нальемъ,—говорилъ онъ:—и будетъ у насъ тепло, какъ въ банѣ.

Онъ налилъ керосинъ, зажегъ печку, связалъ лошадей морда къ мордѣ и сталъ вытаскивать рыболовныя принадлежности. Тутъ были сѣтки, шесты, какія-то цѣпи. Потомъ явился дубовый треножникъ, а на него навинтился мѣдный кругъ съ какими-то трубками. И со всѣмъ этимъ Елифановъ обращался увѣренно и ловко.

— Тутъ, идѣ палки торчатъ, самое мелкое мѣсто,—сказалъ онъ, показывая къ сѣверу.—Я въ десяти мѣстахъ прорубилъ рубиль. Совсѣмъ мелко. Сами помѣрите.

Гиббсъ въ полынѣ, что была вырублена, какъ разъ возлѣ разбитой юрты, мѣрилъ какимъ-то инструментомъ глубину. Результатъ его, повидимому, удивилъ, но онъ записалъ его въ книгу тщательно.

— А тамъ еще мельче,—сказалъ, смѣясь, Елифановъ:—тамъ совсѣмъ мелко; ни одинъ паракотъ не пройдетъ, на мель сядетъ.

Гиббсъ посмотрѣлъ въ трубку и опять записалъ что-то въ книжку.

— Туда пятьдесятъ сажень?—спросилъ онъ.

— Да, я шагами мѣрилъ. Пятьдесятъ.

— Знаю я твои шаги. Значитъ, шестьдесятъ...

Онъ велѣлъ Петѣ тащить цѣпи. Онъ потащилъ. За нимъ по пятамъ шелъ Гиббсъ, и все записывалъ. У вѣхи прорубь затянуло тонкимъ слоемъ льда. Мистеръ вынулъ изъ-за пояса топоръ и ловко прорубилъ треугольникъ.

— Ну-ка, давай сюда...

И онъ пропустилъ въ треугольникъ ядро лота.

Солнце стало всходить. Но оно не играло, а ровнымъ багровымъ шаромъ поднималось изъ-за далекихъ зубча-

тыхъ лѣсовъ. Если бы даже кто-нибудь наблюдалъ за тѣмъ, что дѣлаетъ Гиббсъ, изъ далекаго кронштадтскаго форта, который грозной крѣпостью вздымался на ледяномъ морѣ, то и тогда ни въ какую трубу нельзя было бы ничего различить, такъ какъ сзади его ярко сіяло солнце и мѣшало различать что бы то ни было.

Надо было отдать справедливость Гиббсу: онъ работалъ быстро и неутомимо. Петя бѣгомъ шелъ отъ вѣхи до вѣхи, а Гиббсъ мѣрнымъ шагомъ поспѣвалъ за нимъ. Пока шли, было тепло. Когда останавливались у проруби, ледяной холодъ охватывалъ ихъ. Солнце не могло нагрѣть этого колющагося полярнаго воздуха.

И по мѣрѣ того, какъ солнце двигалось вправо, правѣе двигались и они, все время не нарушая солнечной линіи по направленію форта. Въ мѣхѣ тяжело было работать, и Петя уставалъ. Ему разломило спину; но ему стыдно было въ этомъ сознаться, и онъ черезъ силу вытаскивалъ свои валенки изъ снѣга.

На одномъ сугробѣ онъ споткнулся, упалъ и не могъ встать.

— Чего ты?—удивился мистеръ.

Онъ заглянулъ въ его лицо, и понялъ, въ чемъ дѣло. Откупоривъ склянку, онъ налилъ стаканъ.

— Ну-ка, хватай.

Мальчикъ хватилъ. Коньякъ обжегъ его всего. Гиббсъ посмотрѣлъ на часы.

— Ито пора. Пять часовъ отзвонили. Время завтракать.

Петя всталъ и, еле переставляя ноги, пошелъ за нимъ.

— Эге! слабъ, малецъ!—сказалъ Гиббсъ.—Тобой, братецъ, надо заняться. Бѣлоручка. Отвыкъ отъ дѣла. Ну, да не робѣй.

Они дошли до самоѣдскаго чума. Внутри было градусовъ двадцать пять жары. Чугунная печка пылала. Подъ нею ледъ видимо опустился.

— Еще черезъ часъ она провалится, — засмѣялся Гиббсъ.—Ну, а ты, Елифановъ, много наловилъ?

— Ничего неловится, — спокойно возразилъ Елифановъ.

— Ну, вотъ мы обогрѣемся малость, закусимъ, и за работу.—А впрочемъ, малыши отдохнуть должны: на сегодня пусть ему будетъ праздникъ. Мы съ тобой пойдемъ, и все сдѣлаемъ. Хочешь коньяку?

— Можно, — осклабился старикъ.

— Скажи, Елифановъ, — началъ Гиббсъ, когда они выпили по стакану:—что ты говоришь своимъ, когда они спрашиваютъ тебя о твоихъ работахъ на заливѣ? Вѣдь они не вѣрятъ, что ты рыбу ловишь.

— Не вѣрятъ. Смѣются.

— Такъ какъ же, если смѣются, что ты говоришь?

— Я говорю, что ищу, гдѣ ледъ крѣпче. Что я ледъ подрядился, значить, въ Кронштадтъ доставлять.

— И вѣрятъ тебѣ?

— А почему я знаю? И я развѣ знаю, что вы дѣлаете? что-то мѣряете, да не все ли мнѣ равно? Я знаю, вы мнѣ платите, много денегъ даете, и мнѣ что-жъ больше...

— А я скоро уѣду, Елифановъ.

— Да ну?

— И мы больше никогда не увидимся, Елифановъ, такъ какъ я въ Россію не вернусь. Но я тебя поблагодарю передъ отъѣздомъ. Ты честный человѣкъ, Елифановъ.

— Я что-жъ, я честный, — подтвердилъ Елифановъ.

— Вы хотѣли свою избу имѣть. Присмотрите подходящую, которая продается. Я куплю вамъ.

Елифановъ приподнялъ плечу и сказалъ: «спасибо», но на лицѣ своемъ ничего не выразилъ.

XXXVI.

Три дня подъ рядъ выѣзжали они на разсвѣтъ въ море. Петя привыкъ къ работѣ въ полушубкѣ, и хотя морозъ все крѣпчалъ съ каждымъ днемъ, но онъ къ нему сталъ менѣе чувствительнымъ. Щеки и носъ, чтобы они не отморзли, онъ каждое утро мазалъ гусинымъ жиромъ. Онъ много ѣлъ, много спалъ, много работалъ. День проходилъ незамѣтно. Старуха, сестра Елифанова, готовила

имъ обѣдъ. Она когда-то служила въ кухаркахъ въ Петербургѣ, и потому готовить умѣла. По вечерамъ Гиббсъ усердно записывалъ что-то въ книжку и заносилъ цифры на какой-то складной чертежъ, который носилъ на груди. Елифановъ молча курилъ, а Петя дремалъ въ углу.

На четвертый день ихъ пребыванія въ приморской деревушкѣ, въ сумеркахъ, едва они успѣли отоѣдаться, подъ окнами послышался скрипъ полозьевъ и фыркание лошадей. Мистеръ Гиббсъ насторожился; записная книжка мигомъ очутилась въ его карманѣ; онъ нащупалъ рукой револьверъ и ждалъ. Елифановъ тоже насторожился.

Въ окно послышалось четыре удара.

— Это миссъ Кэтъ, — сказала мистеръ. — Встрѣть ее, Елифановъ.

Елифановъ зажегъ фонарь и пошелъ навстрѣчу. Она уже взошла на крыльцо, и ему оставалось только пропустить ее въ двери. Она вошла и внесла съ собой свѣжій морозный воздухъ.

— Я съ важными вѣстями, — заговорила она по-англійски: — кажется, дѣло плохо.

— А именно? — невозмутимо спросилъ Гиббсъ.

— Сюда пріѣдутъ слѣдить за вами.

— Когда?

— Не знаю.

— Мнѣ осталось на одинъ день работы. Завтра кончаю. Но завтра очень важная провѣрка.

— Будьте осторожны, Томасъ.

— Я всегда остороженъ, Кэтъ.

— Вы знаете, Томасъ, что произошло?

— Вы говорите, миссъ Кэтъ, слишкомъ по-женски. Какъ я могу знать то, что случилось за пятьдесятъ верстъ?

— Какъ я люблю ваше хладнокровіе, Томасъ.

— Я всегда готовъ ко всему.

— Сегодня я заѣзжала къ вамъ, туда на Островъ. Ко мнѣ вышелъ старшій дворникъ, и говоритъ мнѣ по секрету. Онъ всегда мнѣ все говоритъ по секрету, потому что вы знаете, какъ я всегда щедро даю имъ на чай. Вчера ночью у Ѳомы Ивановича былъ обыскъ. Пріѣхали, я вамъ не могу сказать, кто, велѣли отворить ваши двери, и все обыскали. Потомъ спрашивали, куда уѣхалъ Ѳома Ивановичъ: дворникъ сказалъ: «на рыбную ловлю, обѣщали сегодня быть назадъ». Когда все это дворникъ мнѣ сообщилъ, я тотчасъ же полетѣла на вокзалъ, пріѣхала за минуту до отхода поѣзда, прискакала въ Ораніенбаумъ, и оттуда взяла извозчика.

Гиббсъ помолчалъ.

— Я не знаю, осторожно ли вы поступили, или не осторожно, пріѣхавши сюда. Быть-можетъ, хорошо, что вы меня предупредили, а быть-можетъ, этимъ вы показали путь, какъ до меня добраться. Но, во всякомъ случаѣ, есть хорошая сторона вашего пріѣзда: вы сейчасъ же увезете съ собой все, что у меня готово. Это не особенно большой свертокъ. Вдобавокъ, останутся только послѣднія цифры глубины дна, ихъ потомъ мы проставимъ на соответствующихъ мѣстахъ.

— Хорошо, Томасъ, вы мнѣ дадите свертокъ, — сказала она. — Я рада, что застала васъ.

— Вамъ холодно, Кэтъ? Хотите пуншу?

— Съ удовольствіемъ, Томасъ.

Онъ зажегъ бензинку.

— Я васъ самъ свезу, Кэтъ, на станцію. Только я не подвезу васъ къ вокзалу, а спущу на углу.

— Хорошо, Томасъ.

— А потомъ я вернусь сюда, и, быть-можетъ, въ теченіе этой ночи окончу работы.

Онъ позвалъ Елифанова и велѣлъ заложить рыжую въ легкія санки.

— Когда же я васъ увижу, Томасъ? — спросила она. — Вы вернетесь въ Петербургъ?

— Непремѣнно вернусь. Я не хочу, чтобы думали про меня, что я скрываюсь. Но если бы сегодня ночью что-нибудь случилось, ну тогда я тотчасъ же выѣду за границу

— А у васъ есть паспортъ?

— Есть.

— Васъ не остановятъ?

— Нѣтъ. Мой паспортъ на имя Альфреда Меккензи. Если по телеграфу съ границы спросятъ объ этомъ лицѣ, то трое высокопоставленныхъ лицъ поручатся за его благонадежность, какъ за лично имъ извѣстнаго.

— А вы гдѣ перейдете границу?

— Не знаю. Можетъ-быть, въ Одессѣ, можетъ-быть, въ Персѣи, можетъ-быть, возлѣ Полагенена въ Помераніи, можетъ-быть, на Грѣницѣ. Въ такихъ случаяхъ нужно дѣйствовать по вдохновенію.

— Вы одинъ поѣдете?

— Мнѣ бы хотѣлось съ собой взять мальчика. Онъ очень расторопенъ и выносливъ. Я одѣну его въ ливрею, и онъ будетъ моимъ нажемъ. У меня есть паспортъ на мальчика Стефенсона.

— Зачѣмъ же, Томасъ, онъ вамъ за границей?

— Онъ? Онъ мнѣ очень полезенъ. Онъ не знаетъ ни одного языка, кромѣ русскаго, и потому ни на какіе разспросы не можетъ отвѣчать, гдѣ бы со мной ни былъ.

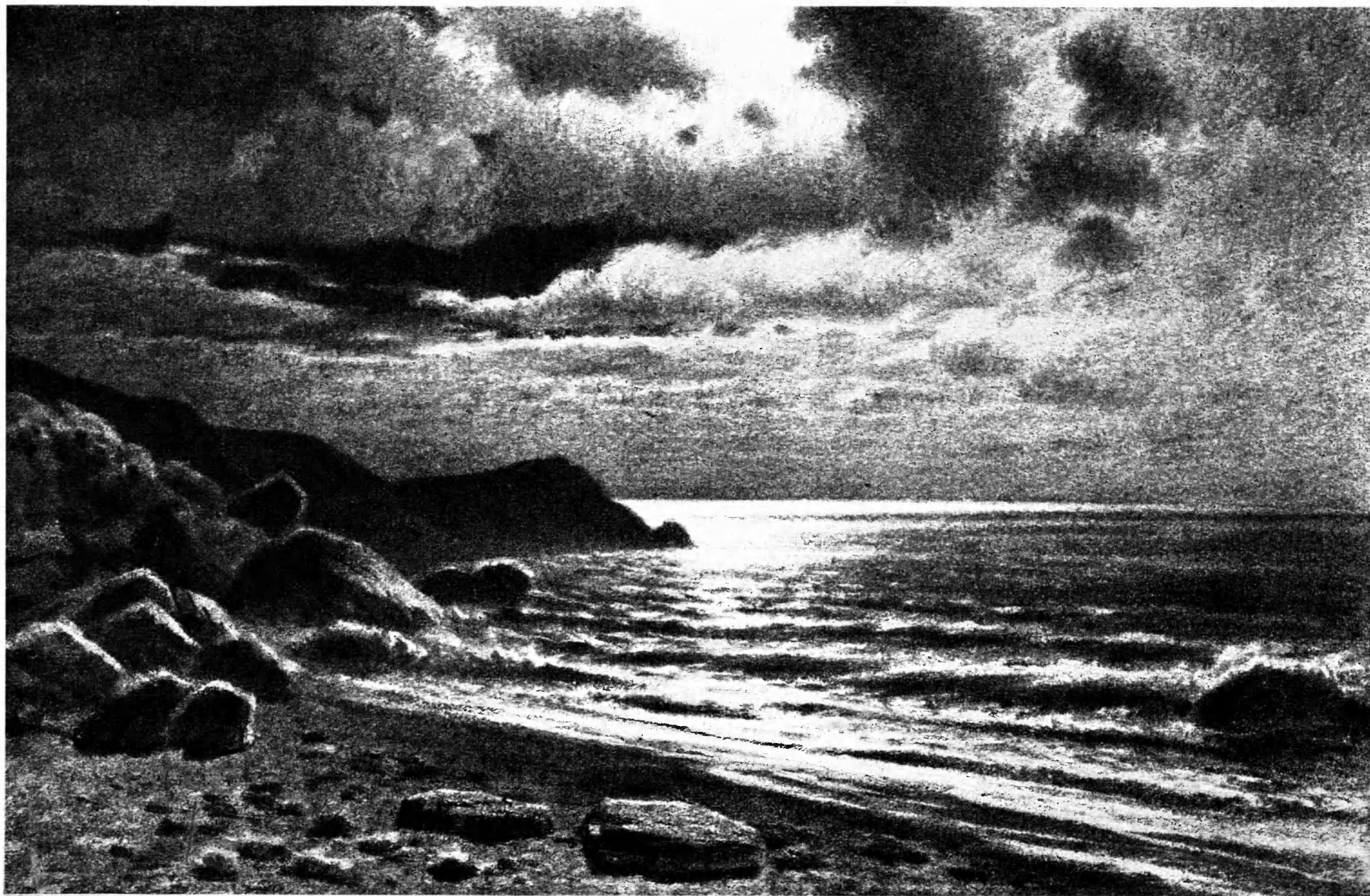
— Но онъ скоро выучится. Томасъ, всѣмъ языкамъ, въ этомъ отношеніи русскіе очень воспріимчивы.

— Не выучится. Я его буду держать возлѣ себя. Онъ меня болѣе удовлетворяетъ собою, чѣмъ какой бы то ни было тигъ слуги. Онъ скверно читаетъ, но я его выучу и писать, и читать. Онъ будетъ моимъ секретаремъ, и всѣ мои записки будутъ вести по-русски. Я нарочно выучился съ такимъ адскимъ трудомъ русскому языку, чтобы имѣть возможность вести записки книжки начертаніемъ, совершенно невѣдомымъ для полицейскихъ агентовъ. Здѣсь, въ Россіи, я все пишу на смѣси ирландскаго языка съ шотландскимъ, стараясь возможно больше держаться народного говора. Я думаю, вы сами едва ли поняли бы мои замѣтки.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Бѣлыя лиліи. Картина Б. Оффора, авт. «Нивы».

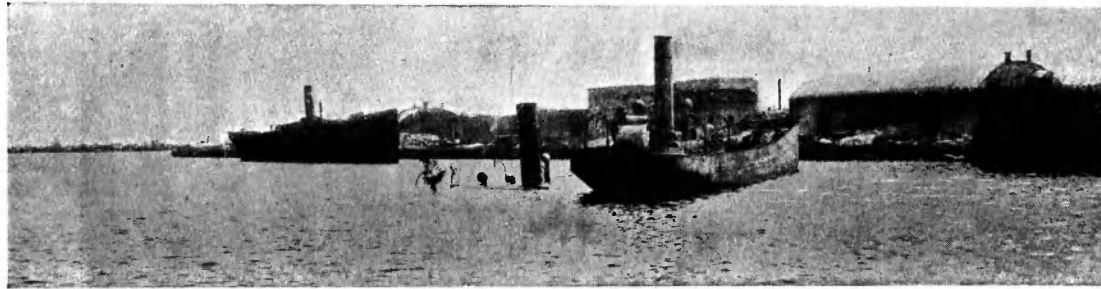
Одесса. Средній Фонтанъ. Рисунокъ А. Медвѣдева, авт. «Нивы».

Событія въ Одессѣ и бунтъ на броненосцѣ „Князь Потемкинъ“.

(Съ 14 рис. на стр. 549, 550, 551, 552 и 553).

Около 20-го іюня мѣсяца всю Россію облетѣли слухи о какихъ-то ужасныхъ происшествіяхъ въ Одессѣ, сопровождавшихся пожарами, грабежами и убійствами. Къ сожалѣнію, эти зловѣщіе

на «Князь Потемкинъ-Тавричскій» обрисовывается въ общихъ чертахъ въ слѣдующемъ видѣ. Броненосецъ вышелъ изъ Севастополя въ воскресенье, 12 іюня, находясь подъ командой капитана

Къ событіямъ въ Одессѣ. Сгорѣвшіе и затонувшіе пароходы „Платонъ“, „Сергѣй“ и „Екатерина“.

По фот. Пудичева авт. «Нивы».

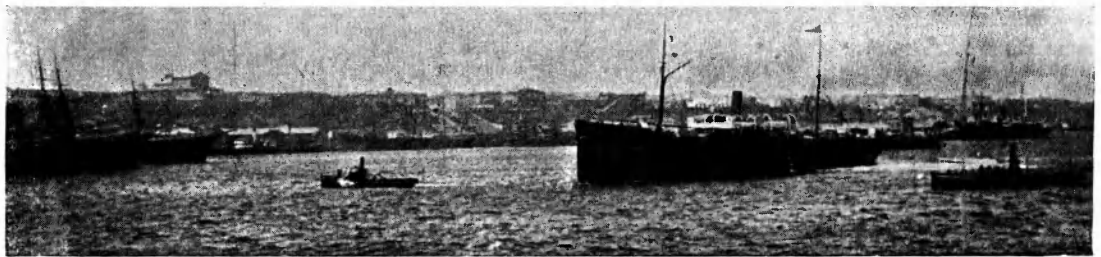
слухи вскорѣ подтвердились,—и уже 21-го іюня въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» появилось правительственное сообщеніе, въ которомъ содержалось описаніе безпорядковъ и неслыханнаго разгрома, учиненнаго буйною чернью въ одесскомъ портѣ, и неслыханнаго, небывалаго въ Россіи бунта матросской команды на броненосцѣ черноморской эскадры «Князь Потемкинъ-Тавричскій».

Вотъ, что между прочимъ гласитъ упомянутое правительственное сообщеніе:

Усиленію среди рабочаго населенія города Одессы броженія, перешедшаго 15-го іюня въ открытый мятежъ, сопровождавшійся убійствами, грабежами и поджогами, — способствовало слѣдующее, хотя и не состоящее въ непосредственной связи съ обнаружившимися ранее безпорядками въ Одессѣ, прискорбное, позорное и безпримѣрное въ лѣтописяхъ русскаго флота событіе: въ 4 часа утра этого дня на одесскій рейдъ пришелъ изъ Тендровскаго залива броненосецъ черноморской эскадры «Князь Потемкинъ-Тавричскій», отъ борта котораго отвалила шлюпка съ трупомъ мертваго матроса. Покойникъ сопровождавшими его матросами былъ положенъ на молу съ припиленной на груди запиской, гласившей, что матросъ Омельчукъ убитъ офицеромъ невинно за высказанное имъ недовольство нищей, что всѣ офицеры броненосца убиты командой и съ броненосца отвѣтятъ орудіейнымъ огнемъ по городу, если со стороны начальства порта сдѣланы будутъ попытки убрать трупъ или приблизиться къ судну.

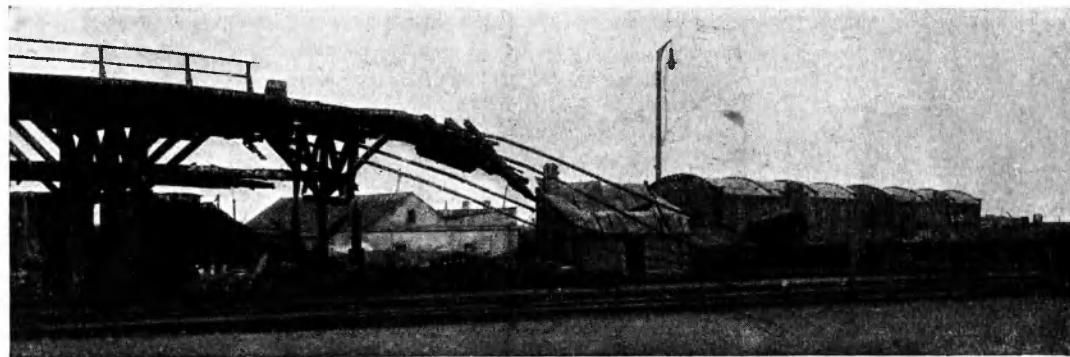
Къ мѣсту, гдѣ положенъ былъ покойникъ, стали двигаться изъ города тысячи рабочихъ, и возбужденіе среди нихъ все болѣе росло.

команда была собрана на пиканцы, гдѣ старшій офицеръ — капитанъ 2-го ранга Гиларовскій — приказалъ выступить передъ фронтомъ тѣмъ изъ нижнихъ чиновъ, которые не отказываются отъ принятія пищи, т. е. не участвуютъ въ протестѣ, выраженномъ въ столь рѣзкой формѣ. Когда же передъ фронтомъ выступило большинство изъ судовой команды, то старшій офицеръ сталъ записывать имена недовольныхъ, составляющихъ меньшинство. Воспользовавшись этой минутой, послѣдніе схватили изъ пирамидъ ружья и стали ихъ заряжать имѣвшимися у нихъ патронами. Приказаніе стрѣлять въ бунтовщиковъ, отданное караулу старшимъ офице-

Къ событіямъ въ Одессѣ. Катеръ, взявшій одинъ изъ пароходовъ на буксиръ, посланный за углемъ съ броненосца „Кн. Потемкинъ-Тавричскій“. По фот. Пудичева авт. «Нивы».

ромъ, осталось не исполненнымъ, и тогда послѣдній выхватилъ у ближайшаго караульнаго ружье и произвелъ въ одного изъ матросовъ два или три выстрѣла, ранивъ его смертельно. Затѣмъ взбунтовавшіеся нижніе чины стали залпами стрѣлять въ офицеровъ, отыскивая ихъ по одиночкѣ въ разныхъ мѣстахъ судна. Такъ были убиты, въ числѣ прочихъ, и командиръ броненосца. Нѣкоторые изъ офицеровъ бросились въ море, но ихъ и здѣсь постигла смерть, такъ какъ и въ воду, по словамъ очевидцевъ, производились выстрѣлы и даже изъ 47-миллиметровыхъ пушекъ. Погибли насильственной смертью отъ рукъ судовой команды, кромѣ командира броненосца, старшій офицеръ Гиларовскій, лейтенанты Неупокоевъ и Тунъ, мичманъ Григорьевъ 4-й, прапорщикъ Ливенцовъ, врачъ Смирновъ и около 30 человекъ судовой команды. Остальные, въ томъ числѣ команда миноносца, въ который съ броненосца стрѣляли залпами или изъ мелкихъ орудій, были терроризованы бунтовщиками, арестовавшими оставленныхъ въ живыхъ офицеровъ. На броненосцѣ составилъ комитетъ изъ 20 нижнихъ чиновъ, принявшихъ на себя командование судномъ и постановившихъ идти въ Одессу,

Къ событіямъ въ Одессѣ. Остатки сгорѣвшей эскадры у приморской лѣстницы.

По фот. Пудичева авт. «Нивы».

Когда же для проверки извѣстія объ убійствѣ и для снятія показаній прибылъ на шлюпкѣ вмѣстѣ съ портовымъ начальствомъ товарищъ прокурора одесскаго окружнаго суда, матросы съ угрозами и бранью заставили его удалиться.

На основаніи показаній одного оставшагося въ живыхъ изъ офицеровъ судового состава, а также матроса, ночью бросившагося съ борта судна въ воду и достигшаго берега вилавъ, происшедшее

на рейдъ котораго и прибыли вечеромъ, 14 іюня, а утромъ, 15 іюня, спустили шлюпку съ трупомъ матроса.

16 іюня на рейдъ города Одессы вошло портовое судно «Вѣха», которое, по сигналу съ «Князя Потемкина-Тавричскаго», стало на якорь за кормой броненосца. Ничего не зная о бунтѣ, происшедшемъ на броненосцѣ, командиръ «Вѣхи» отправился на «Князя Потемкина-Тавричскаго» представить командирѣ рапортъ, какъ

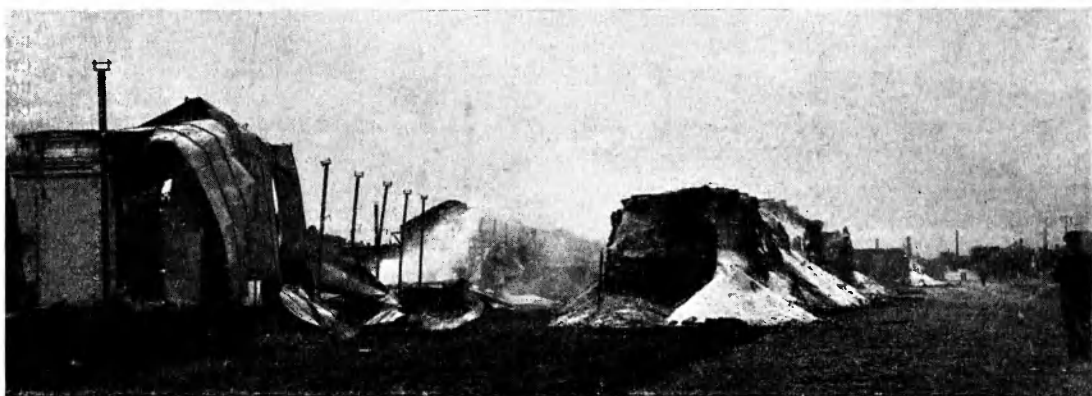
старшему на рейде. Съ прибытіемъ на броненосецъ, командиръ «Вѣхи» былъ обезоруженъ и насильно свезенъ на берегъ вмѣстѣ съ другими своими офицерами. Въ Одессѣ «Князь Потемкинъ-Тавричскій» захватилъ два парохода съ углемъ, составляющихъ собственность частныхъ лицъ, который былъ ими погруженъ при содѣйствіи около 300 рабочихъ порта. Въ то же время взбунтовавшаяся команда принудила прекратить работу всѣхъ рабочихъ въ порту и на частныхъ пароходахъ. Вскорѣ нормальная дѣятельность въ порту прекратилась, и онъ оказался во власти бунтовщиковъ.

Хотя къ этому времени власть въ городѣ была уже передана командующему войсками одесскаго военного округа, сдерживать отъ безчинства на территоріи порта многотысячную толпу рабочихъ оказалось невозможнымъ, такъ какъ, если бы войска прибыли къ оружію, они подверглись бы амфиладному обстрѣлу изъ орудій броненосца. Портъ оказался во власти черни, которая бросилась повально грабить все безъ разбора—пакгаузы, частные склады, портовыя зданія, пароходы, бросала въ море товары, распивала вино изъ разбиваемыхъ винныхъ боченковъ. Съ наступленіемъ сумерекъ начались поджоги, вскорѣ принявшіе ужасающіе размѣры. Выгорѣла почти вся территорія порта, такъ какъ толпа не допускала къ тушенію огня пожарныхъ. Согласно донесеніямъ мѣстныхъ властей, истреблены огнемъ два желѣзныхъ пакгауза и передаточная Русскаго Общества пароходства и торговли, агентство и пакгаузы Дунайскаго пароходства, складъ шпаль и досокъ на Платоновскомъ молѣ, электрическая станція, станція Одесса-портъ, управление капитана надъ портомъ, эстокада отъ 8 до 9 устоя на Новомъ молѣ, пакгаузы Русскаго Общества, Россійскаго и Кошкина, отдѣленіе корабельной конторы на Платоновскомъ молѣ, часть угольнаго склада на Новомъ молѣ и всѣ постройки Практической гавани. Кромѣ того, сгорѣло 20 вагоновъ, два парохода Россійскаго Общества, одинъ Русскаго, три частныхъ. Въ желѣзнодорожныхъ пакгаузахъ окна разбиты и вещи разграблены; все имущество изъ складовъ и пакгаузовъ разграблено и унесено въ городъ. Во время пожара сгорѣло, согласно донесеній, не мало бунтовщиковъ и грабителей, опьянѣвшихъ до потери сознанія отъ выпитаго вина.

На другой день, 16-го іюня, по состоявшемуся Высочайшему повелѣнію, въ Одессѣ и въ уѣздѣ объявлено было военное положеніе. Городъ со всѣхъ сторонъ былъ скованъ кольцомъ войсковыхъ частей, притянутыхъ изъ лагернаго расположенія, и безпорядки прекратились.

Въ 7 часовъ вечера, того же 16-го іюня, броненосецъ «Князь Потемкинъ-Тавричскій», которымъ изъ числа арестованныхъ командиръ офицеровъ были высажены на берегъ 9 человѣки, отошелъ на полмили къ западу отъ своего первоначальнаго мѣста стоянки и далъ три холостыхъ выстрѣла, положенныхъ по морскому уставу

кадръ въ полной боевой готовности. Когда «Князь Потемкинъ-Тавричскій», прорѣзывая строй эскадры, поравнялся съ броненосцемъ «Георгій Побѣдоносецъ», на послѣднемъ была устроена овація «Князю Потемкину-Таврическому», и, когда вѣдѣ за этимъ эскадра, по сигналу адмирала, повернула на обратный курсъ, команда на «Георгіи» бросилась на мостики и не позволила управлять судномъ. Вѣдѣ за этимъ на «Георгіи» была спущена шлюпка, на которой командиръ и всѣ офицеры броненосца, кромѣ лейтенанта Григорьева, который застрѣлся, были обезоружены и доставлены на

Къ событіямъ въ Одессѣ. Сгорѣвшіе склады съ солью и остатки грудъ соли. По фот. Пудичева авт. «Нивы».

баркасъ на берегъ. Для управленія броненосцемъ составлена была комісія изъ 20 человѣкъ. Однако среди команды «Георгія Побѣдоносца» происходили несогласія. По прибытіи обоихъ броненосцевъ на одесскій рейдъ, «Потемкинъ» даже угрожалъ «Георгію» разгромить его изъ тяжелыхъ орудій въ случаѣ его отбытія въ Севастополь, на присоединеніе къ остальной эскадрѣ. Въ концѣ концовъ благообразная часть команды «Георгія» взяла перевѣсъ. «Георгій Побѣдоносецъ» вошелъ въ одесскій портъ, а «Потемкинъ» ушелъ въ море въ западномъ направленіи. Командою «Георгія» были посланы командующему войсками въ г. Одессѣ боцманъ и нѣсколько матросовъ съ изъявленіемъ покорности и съ просьбой о возвращеніи на судно ихъ офицерскаго состава.

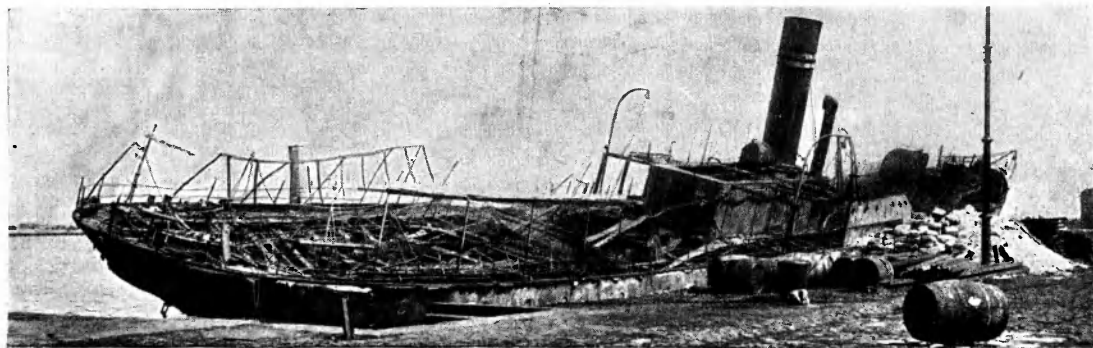
19-го іюня генералъ-отъ-кавалеріи Кахановъ имѣлъ счастье всеподданнѣе донести Его Императорскому Величеству, что команда «Георгія Побѣдоносца», выражая полное раскаяніе въ дерзновенно содѣянномъ, возлагаетъ свое упованіе на Монаршее милосердіе; при этомъ команда, выдавъ 67 человѣкъ наиболѣе виновныхъ, принесла присягу со слезами раскаянія. Послѣ этого командиръ и офицеры «Георгія Побѣдоносца» вступили въ исполненіе своихъ обязанностей.

На имя управляющаго морскимъ министерствомъ прислана 20-го іюня старшимъ флагманомъ черноморскаго флота вице-адмираломъ Кригеромъ слѣдующая телеграмма:

«На транспортѣ «Прутъ», по выходѣ его изъ Теодры, взбунтовалась команда, которая арестовала командира и офицеровъ, убивъ прапорщика Нестерцева и боцмана Козлитина. «Прутъ» прибылъ въ Севастополь. Команда раскаялась, выпустила командира и офицеровъ. Просила ихъ принять надъ ними командованіе».

Одесса пережила тяжелые дни. Страхъ, перенесенный ея жителями во время боевыхъ выстрѣловъ съ «Потемкина», не поддается описанію. Убытки, понесенные пароходными обществами, желѣзною дорогою, городомъ и частными лицами, нельзя пока точно исчислить; во всякомъ случаѣ они превышаютъ колоссальную сумму въ нѣсколько миллионъ рублей.

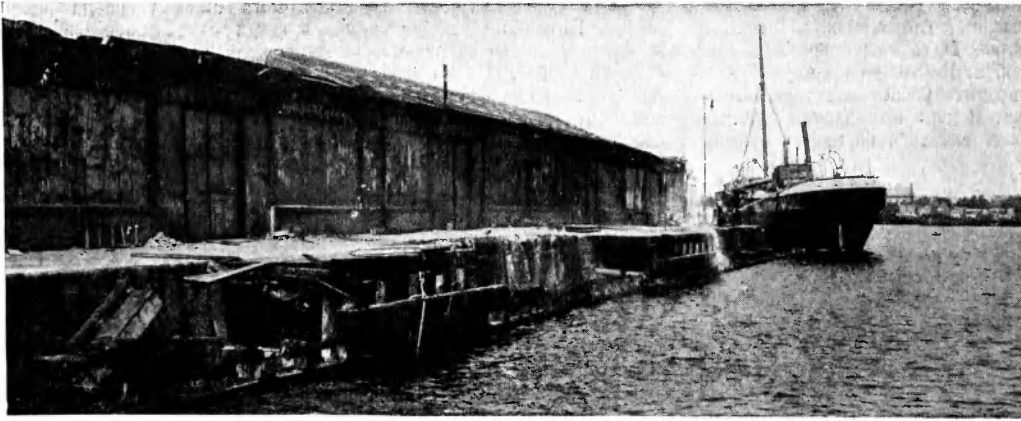
Вслѣдъ за Одессой «Потемкинъ» терроризировалъ все крымско-кавказское побережье. Предварительно, впрочемъ, онъ направился въ Румынію—добывать съѣстные припасы и уголь.

Къ событіямъ въ Одессѣ. Сгорѣвшій пароходъ Россійскаго Общества «Петръ». По фот. Пудичева авт. «Нивы».

при погребеніи матроса, и два боевыхъ, конми разрушена крыша и часть стѣны одного изъ домовъ Пѣжинской улицы, но несчастій съ людьми не было. На другой день, 17-го іюня, въ 6 часовъ утра, черноморская эскадра подъ флагомъ старшаго флагмана вице-адмирала Кригера и младшаго контръ-адмирала Вишневецкаго, въ составѣ 4-хъ эскадренныхъ броненосцевъ и 5-ти эскадренныхъ миноносцевъ, подошла къ Одессѣ. Названная эскадра, построившись въ строй фронта, пошла по направленію къ одесскому молу, а броненосецъ «Князь Потемкинъ-Тавричскій» вышелъ навстрѣчу эс-

19 іюня взбунтовавшійся броненосецъ вмѣстѣ съ миноносцемъ № 267 прибылъ въ румынскій портъ Констанца. Въ половинѣ седьмого вечера на разстояніи 2 1/2 километровъ отъ входа въ портъ замѣтили большой броненосецъ, на мачтѣ котораго развѣвался красный флагъ. Быстро распространилось извѣстіе, что броненосецъ этотъ есть то самое взбунтовавшееся русское судно, о которомъ говоритъ вся Европа. Броненосецъ подавалъ сигналъ, что онъ ищетъ защиты въ румынскихъ водахъ. Командиръ порта тотчасъ же направился на корабль и былъ встрѣченъ соотвѣтственнымъ салютомъ. Экипажъ

Сгорѣвшая гавань, пакгаузы и пароходы Русск. Общества Пароходства и Торговли.

«Потемкина» объявил себя инсургентами и просил у румын провизии и угля. Въ этой просьбѣ русскимъ матросамъ было однако отказано. Румынскія власти объявили «инсургентамъ», что если они хотятъ, чтобы ихъ признали дезертирами и не выдали Россіи, то пусть они покинутъ суда и сдадутъ Румыніи и «Потемкина», и миноносецъ со всѣмъ оружіемъ и снарядами.

Экипажъ «Потемкина» на это не согласился, и въ тотъ же день «Потемкинъ» снялся съ якоря и ушелъ по направленію къ крымско-кавказскому побережью, гдѣ его уже ждали и трепетали предъ его появленіемъ мирные города и мѣстечки «Русской Ривьеры».

22 іюня мятежный «корабль-скиталецъ» съ миноносцемъ появились около Оеодосіи. Маленькому и не защищенному городу пришлось пережить нѣсколько тяжелыхъ часовъ вслѣдствіе грознаго визита новыхъ морскихъ разбойниковъ.

«Потемкинъ» подошелъ къ Оеодосійскому порту въ 7 часовъ утра и спустил катеръ съ двумя матросами-депутатами. Депутаты, прибывъ на пристань, объявили цѣль своего прибытія и потребовали представителей города для переговоровъ. Городскіе представители съѣздили на броненосецъ, и тамъ отъ нихъ была потребована немедленная доставка провизіи, угля и прѣсной воды. На поставку припасовъ команда броненосца дала суточный срокъ и объявила, что если припасы доставлены не будутъ, то «Потемкинъ» подвергнетъ Оеодосію бомбардировкѣ.

Городскіе представители изъ

Брешь, произведенная вторымъ снарядомъ съ броненосца „Князь Потемкинъ-Таврическій“, попавшимъ въ д. Стрелетова на Бугаевкѣ. Задній фасадъ.

Поврежденіе, причиненное первымъ снарядомъ съ броненосца „Князь Потемкинъ-Таврическій“, попавшимъ на Нѣжинскую улицу, въ домъ Фельдмана.

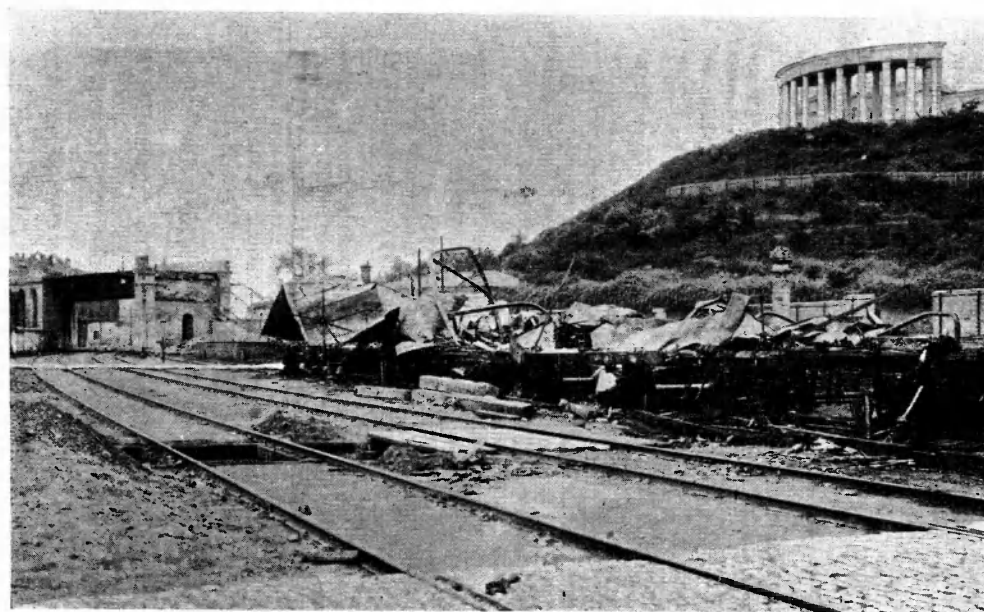

Брешь, произведенная вторымъ снарядомъ съ броненосца „Князь Потемкинъ-Таврическій“, попавшимъ въ д. Стрелетова на Бугаевкѣ. Передній фасадъ.

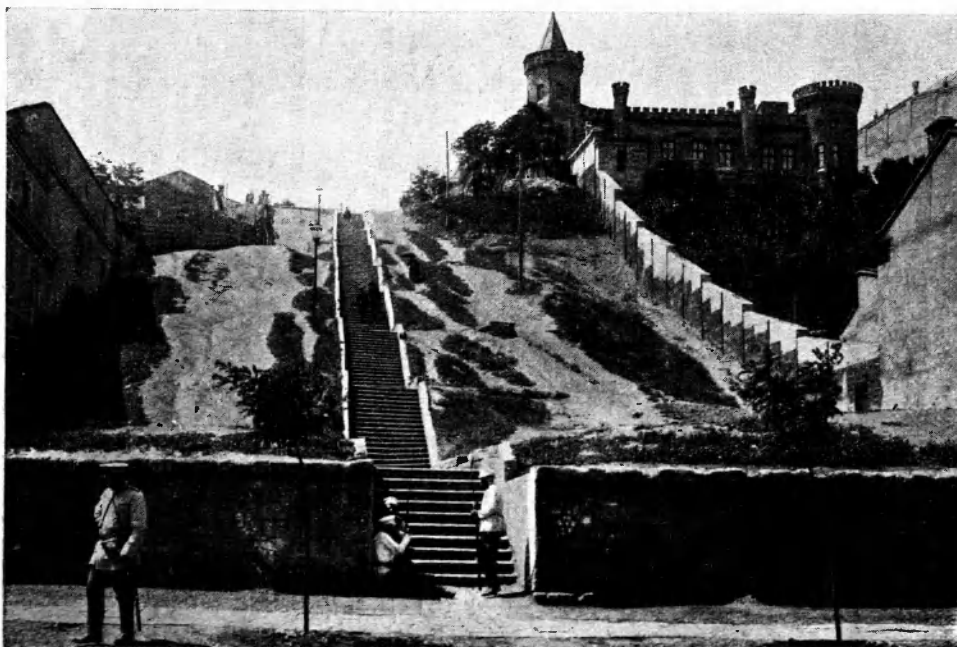
Къ событіямъ въ Одессѣ. По фот. Пудичева авт. «Нивы».

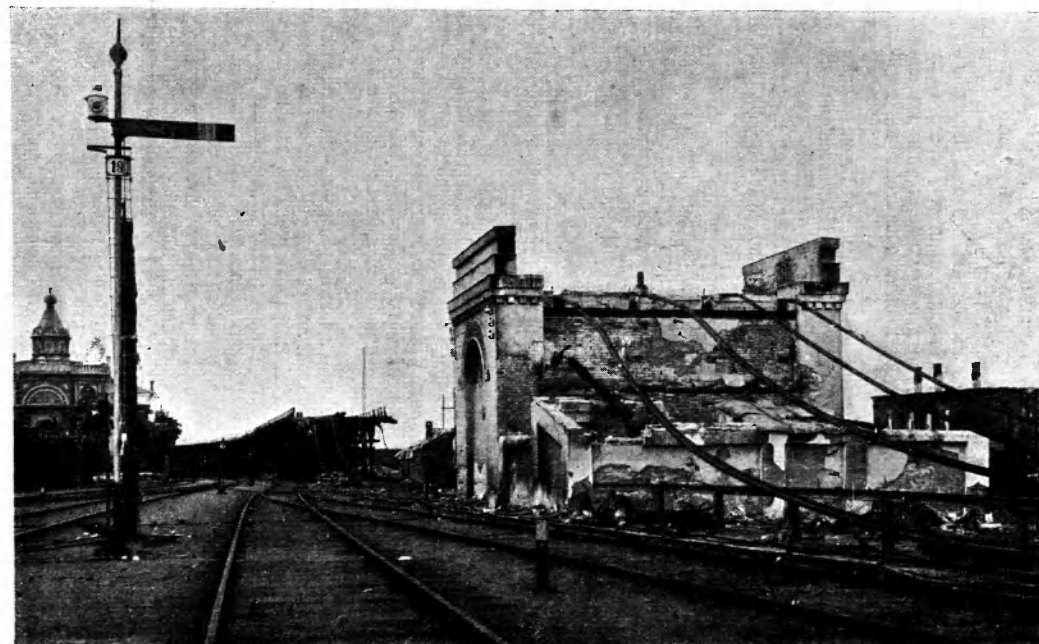
Видъ разграбленныхъ и сожженныхъ пакгаузовъ Русскаго Общества Пароходства и Торговли.

Сгорѣвшая эстакада и вагоны съ грузомъ подъ ней.

Одинъ изъ проходовъ въ гавань и изъ гавани, охраняемый войсками.

Видъ уцѣлѣвшаго устоя подъ эстакадой.

Къ событіямъ въ Одессѣ. По-фот. Пудичева авт. «Нивы».

явили согласіе на поставку провіанта, и городъ сталъ уже снабжать броненосецъ провизіей, но по требованіи мѣстныхъ военныхъ властей поставка эта была прекращена. И тогда оеодосійцы, боясь бомбардировки, на другой же день съ самаго ранняго утра стали выбираться вонъ изъ города.

Вагоны желѣзной дороги брались съ боя. За подводы платились бѣшенныя деньги. Многие горжане бѣжали, попросту, пѣшкомъ въ окрестныя горы и деревни. Наступила неслыханная, невѣроятная паника. Городъ наполнился войсками и былъ объявленъ на военномъ положеніи.

Въ 9 часовъ утра въ бухтѣ появился катеръ съ 12 матросами «Потемкина» подъ защитой миноносца № 267. Приблизившись къ парусному судну-угольщику, матросы стали обрѣзать канаты, чтобы силой увести угольщика съ собою. Но войсковыя команды на берегу внезапно открыли огонь, и нѣсколько человекъ на катерѣ и на миноносцѣ было убито.

Тогда наступила страшная минута, которую никто изъ жителей Оеодосіи—очевидцевъ этого событія, не забудетъ до конца своихъ дней. Катеръ и миноносецъ, разстрѣлянные пулями береговой команды, пристали къ борту броненосца. Наступила мертвая, торжественная тишина, и въ этой тишинѣ на мачтѣ броненосца грозно взвился боевой флагъ.

Въ тотъ же моментъ на броненосцѣ началась спѣшная уборка шлюпокъ и снастей. Броненосецъ готовился къ стрѣльбѣ. Еще нѣсколько мгновеній, и люки на батареяхъ открылись, и длинный дула орудій направились на городъ.

Казалось, что бомбардировка неминуема. Но по какому-то странному обстоятельству ея не послѣдовало. Въ 2 часа дня «Потемкинъ» неожиданно запарилъ, снялся съ якоря и ушелъ въ море. Пожалея ли его команда мирныхъ жителей Оеодосіи, произошла ли разбогасаппа въ командѣ—покаместъ неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ бѣда прошла мимо Оеодосіи, и ея жители снова стали сѣзжаться въ свои гнѣзда.

Много страховъ натерпѣлись въ ожиданіи «корабля-скитальца»: Новороссійскъ, Сухумъ, Батумъ, Туапсе и другіе города и мѣстечки. Но, къ счастью для нихъ, мятежный корабль уже не рѣшился испытывать ихъ храбрость, отказавшись отъ дальнѣйшихъ грабительскихъ пологновеній и рѣшилъ сдаться Румыніи на тѣхъ самыхъ условіяхъ, на которыхъ румыны принимали къ себѣ инсургентовъ во время ихъ перваго визита въ Констанцу.

25 іюня «Потемкинъ» снова пришелъ вмѣстѣ со «своимъ» миноносцемъ въ этотъ портъ. Матросы «Потемкина» передали румынскимъ властямъ броненосецъ, а сами высадились на сушу и были отправлены въ различныя мѣстности Румыніи. Миноносецъ же отказался сдаться. Онъ заявилъ, что слѣдовало за «Потемкинымъ», лишь подчинились силѣ, и что хочетъ вернуться на родину въ ряды вѣрныхъ отчизнѣ судовъ. И, дѣйствительно, въ тотъ же день онъ ушелъ изъ Констанцы въ Севастополь, и румынскими перебѣжчиками оказались лишь одни «потемкинцы».

Корреспонденты иностранныхъ газетъ передаютъ слѣдующія подробности о сдачѣ «Потемкина»:

«Потемкинъ» вошелъ въ гавань съ громкимъ «ура». Румынскія власти немедленно вступили въ переговоры съ русскими матросами. «Потемкину» было дано время до 6 часовъ пополудни для того, чтобы сдаться. Румынскія власти требовали разоруженія бро-

ноносца, экипажа и снятія замковъ съ орудій. Въ 1 часъ пополудни депутація русскихъ моряковъ прибыла на румынскій крейсеръ и заявила, что экипажъ рѣшилъ сдаться броненосецъ, если командѣ будетъ обезпечена свобода и будетъ дано обѣщаніе, что ея не выдадутъ русскимъ властямъ. Въ переговорахъ принялъ участіе и румынскій министръ-президентъ Кантакузень, который случайно находился въ Констанцѣ. Въ 2 часа дня состоялась передача броненосца румынскимъ властямъ. На броненосцѣ былъ поднятъ румынскій флагъ и румынскіе офицеры приняли весь судовъ инвентаръ. Во время переговоровъ многіе изъ матросовъ «Потемкина» дезертировали.

Послѣ капитуляціи «Потемкинъ» вошелъ въ гавань.

Когда румынскія власти приказали поднять на броненосцѣ румынскій флагъ, русскіе матросы возстали противъ этого, проси оставить ихъ національный флагъ и говоря, что имъ тяжело съ нимъ разставаться. Въ концѣ концовъ, ихъ увѣрили, что на основаніи международного права иначе поступить нельзя.

Матросы отправились въ Бранлово, Каларашъ, Журжево, Зимницу, Калафать и Турну-Северинъ. Всѣмъ префектамъ было послано приказаніе нигдѣ ихъ не задерживать. Въ Петербургъ была послана телеграмма съ подробностями сдачи. Одновременно министръ иностранныхъ дѣлъ генералъ Лаговарі извѣстилъ графа Ламздорфа, что броненосецъ находится въ распоряженіи русскаго правительства.

Почти слѣдомъ за «Потемкинымъ» въ Констанцу 26 іюня прибыла русская черноморская эскадра, которая тщетно пыталась предъ тѣмъ изловить мятежный корабль и принудить его къ покорности. Какъ извѣстно, это не удалось ни посланному съ этой цѣлью миноносцу «Стремительный», ни цѣлому отряду адмираловъ Крнгеръ и Вишневецкаго.

Немедленно по прибытіи эскадры въ румынскій портъ командующій румынскимъ флотомъ, командиръ Козлинскій, посѣтилъ русскаго контръ-адмирала и объявилъ ему, что «Потемкинъ» сдался, и румынскія власти вступили на судно и для охраны его поставили на немъ караулъ подъ румынскимъ флагомъ. Командиръ доложилъ, что румынскій король приказалъ передать броненосецъ Государю Императору.

Послѣ этого состоялась официальная передача «Потемкина» русской эскадрѣ.

Румынскія команда и флагъ были замѣнены русскими. Но броненосецъ оказался въ неисправномъ видѣ и не могъ самостоятельно идти: у него было много воды въ машинномъ отдѣленіи и были попорчены машины.

Поэтому «Потемкинъ» былъ взятъ на буксиръ броненосцемъ «Синопъ», на которомъ развѣвался адмиральскій флагъ.

29 іюня взбунтовавшійся и очищенный отъ бунтовщиковъ броненосецъ былъ, наконецъ, приведенъ въ Севастополь—и безпримѣрная въ исторіи нашего флота трагедія, такимъ образомъ, закончилась.

Сильнѣйшій, быстроходнѣйшій и новѣйшій изъ черноморскихъ броненосцевъ сохраненъ для нашего флота, но бунтовщики-матросы навсегда погибли для родины. Черезъ 10 лѣтъ измѣнники—«потемкинцы» натурализируются въ Румыніи и станутъ румынскими подданными. Небольшая честь для пріютившей ихъ страны!

Т у ч и.

По небу уныло блуждая,
Его омрачая собой,
Плывутъ, очертанья мѣняя,
Свинцовыя тучи толпой.

Несутъ онѣ слезы людскія,
Собрали ихъ здѣсь, на землѣ,
То горе и бѣды мірскія
Туманомъ поднялись во мглѣ.

Земля возвратитъ ихъ стремится
Далекимъ нѣмымъ небесамъ,
Но вѣтеръ мѣшаетъ имъ взвиться,
Вернуться въ лазурный ихъ храмъ.

И къ солнцу онѣ потянулись,
Затмили сіянье его,
И въ яркихъ лучахъ окунулись,
Не зная пути своего.

Ужели ихъ небо отвергнетъ,
Не скроетъ въ пространствѣ своемъ
И съ выси лазурной низвергнетъ,
Вернетъ ихъ на землю дождемъ?

А можетъ-быть, ихъ назначенье
Омытъ и согрѣтъ намъ сердца.
О, если онѣ искупленье,
Пусть льются онѣ безъ конца.

З. Соломирскій.

Вторая депутація у Государя Императора.

21 іюня Государю Императору благоугодно было принять въ Фермерскомъ дворцѣ, въ Александринѣ, гласнаго орловскаго губернскаго земскаго собранія Нарышкина, генераль-лейтенанта Кирѣева, звенигородскаго уѣзднаго предводителя дворянства графа Шереметева, гласнаго с.-петербургскаго губернскаго земскаго собранія и с.-петербургской городской думы графа Бобринскаго, курскаго губернскаго предводителя дворянства графа Дорера, глас-

наго московской городской думы, выборнаго московскихъ старообрядцевъ Расторгуева, новгородскаго мѣщанина Матросова, крестьянина деревни Пронской. Звенигородскаго уѣзда, Гришина, крестьянина деревни Кропивни, Дорогобужскаго уѣзда, Яковлева, крестьянина деревни Ребенки, Медынскаго уѣзда, Несчастнаго и крестьянина деревни Коняшина, Русскаго уѣзда, Бажанова, явившихся для поднесенія всеподданнѣйшаго адреса.

Испрашивая Высочайшее разрѣшеніе на прочтеніе этого адреса, графъ Шереметевъ имѣлъ счастье высказать:

«Государь! Собравшіеся въ древней Москвѣ люди всѣхъ званий и состояній: духовные, дворяне, крестьяне, торговцы, промышленники, люди науки, соединенные мыслью и единымъ чувствомъ любви къ Россіи, послали насъ сказать Вашему Величеству свое откровенное слово. Не сомнѣваемся мы въ искренности побужденій людей шшихъ съ нами взглядовъ, но расходимся съ ними въ путяхъ осуществленія Вами, Государь, возвышенныхъ желаній преобразованій и всѣ равно уповаемъ на умиротвореніе Отечества».

Затѣмъ графомъ Шереметевымъ прочитанъ былъ всенародный адресъ слѣдующаго содержанія:

Великій Государь!

«Настойчивое стремленіе нѣкоторой части общества поколебать исторически выработанный государственный укладъ и желаніе навязать странѣ чуждые нашему быту, чуждые всему складу нашего общенароднаго строя способы правленія побудили насъ сплотиться воедино, насъ, исповѣдующихъ, что правильное развитіе нашихъ государственныхъ началъ, при разрывѣ съ историческимъ народнымъ прошлымъ,—немыслимо.

«Вмѣстѣ со всей Русской землей мы жаждемъ уничтоженія того средостѣнія, которое въ теченіе долгихъ лѣтъ понемногу созидалось и съ каждымъ годомъ все болѣе крѣпло между живыми общественными силами и Самодержцемъ. Постигшія насъ на Дальнемъ Востоцѣ бѣдствія обострили господствующую смуту, которая пагубно влияетъ на ходъ военныхъ дѣйствій. Но мы вѣримъ, что съ помощью Божіей Россія, единеніемъ сыновъ своихъ, выйдетъ изъ этого испытанія безъ ущерба своего достоинства, своей чести. Путь къ умиротворенію смуты внутренней указанъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ. Радостнымъ благовѣстомъ откликнулся въ сердцахъ нашихъ возвышенный съ высоты Престола 18-го февраля сего года призывъ выборныхъ отъ населенія людей къ участию въ разработкѣ законодательныхъ предположеній.

«Драгоценны для всякаго русскаго слова Вашего Величества:

«Пусть установится, какъ было встарь, единеніе между Царемъ и всею Русью, общеніе между Мною и земскими людьми, которое ляжетъ въ основу порядка, отвѣчающаго самобытнымъ русскимъ началамъ».

«Государь! Вся Россія, всѣ ваши вѣрные подданные видятъ въ словахъ этихъ залогъ обновленія и вѣщающаго преуспѣянія нашего отечества. Мы видимъ въ нихъ восстановленіе того древняго порядка, при которомъ, оставляя за собою полноту власти и свободу рѣшенія, Русскіе Цари благосклонно выслушивали правдивый, безкорыстный голосъ лучшихъ выборныхъ людей.

«Да будетъ голосъ этотъ и впредь вѣрнымъ выразителемъ всѣхъ нуждъ народа и, какъ встарь, да послужитъ онъ для Царя и Россіи источникомъ ихъ могущества и славы.

«Мы полагаемъ, что только избранные по отдѣльнымъ, связаннымъ между собою, бытовымъ группамъ населенія явятся вѣрными выразителями мыслей и потребностей всего народа въ его совокупности.

«Царю Самодержавному, при изъявленіи Своей Монаршей Воли, необходимо знать, изъ какой среды исходятъ тѣ или нѣныя мнѣнія и желанія и выслушать голосъ всѣхъ отдѣльныхъ бытовыхъ сословій.

«При производствѣ выборовъ отъ смѣшанныхъ между собою слоевъ населенія нѣкоторые изъ нихъ, и даже самые многочисленныя, легко могутъ быть лишены возможности высказывать предъ Вами, Государь, свои насущныя нужды. Лица, избранные такимъ путемъ, возмнивъ себя представителями страны, явятся новой, горшею преградой между Царемъ и народомъ.

«Не допусти, Государь, чтобы между Тобой и землей воздвиглась эта новая стѣна. Непосредственно выслушай, Великій Печальникъ земли Русской, нужды всѣхъ слоевъ народа Твоего, черезъ выбранныхъ ими изъ своей среды излюбленныхъ людей».

По прочтеніи адреса гласный с.-петербургскаго губернскаго земскаго собранія и с.-петербургской городской думы, графъ Бобринскій, обратился къ Его Императорскому Величеству съ слѣдующими словами:

«Когда единомышленники избирали насъ для поднесенія Вашему Величеству челобитной, то въ средѣ нашей нашлись люди разума, которые находили, что не слѣдуетъ беспокоить Государя въ настоящее тяжелое время: «Что вы скажете Царю?»—говорили они: — будете ли говорить о войнѣ и мирѣ? Но Государю лучше

насъ вѣдомо, чего требуетъ честь и достоинство Имперіи. Да и во всѣхъ странахъ эти вопросы рѣшаются не народомъ, а Верховною Властью. Заговорите ли о созывѣ выборныхъ людей — по Воля Царская выражена ясно, и нынѣ слѣдуетъ спокойно ожидать ея выполненія, а не тревожить Государя рѣчами».

«Но другіе возражали, что молчать невозможно; не мы первые дерзнули беспокоить Ваше Величество, но теперь, когда рѣчи нѣкоторыхъ лицъ сдѣлались общимъ достоинствомъ и печать приписывается имъ значеніе голоса всей земской и мыслящей Россіи, — намъ, такимъ же земскимъ людямъ, такъ же близко стоящимъ къ землѣ и въ не менѣе многочисленномъ составѣ, намъ, нераздѣляющимъ высказанныхъ передъ Вашимъ Величествомъ мнѣній, — грѣшно молчать.

«Государь! Земля наша велика и обильна и различныхъ мнѣній въ ней множество. Но что именно думаетъ вся Россія—этого сказать никто не можетъ, потому что Россія молчитъ, а говорятъ лишь немногіе. Мы не дерзаемъ высказаться отъ лица всей страны, но смѣемъ завѣрить Ваше Величество, что исповѣдуемъ убѣжденія множества вѣроподданныхъ Вашихъ. Отъ ихъ имени мы прежде всего молимъ Васъ, Государь: не заключайте обиднаго для Россіи мира. Томительна, тягостна, грустна война, — но, какъ бы тяжело намъ всѣмъ ни было, — не довершайте этой чаши бѣдствій позоромъ, который страна не въ силахъ перенести.

«Ваше Величество упомянулъ объ ожидающихъ насъ новыхъ бѣдствіяхъ, и мы спѣшимъ откликнуться на слова Ваши и сказать: Государь! Вамъ нужны люди—берите ихъ. Еще много на Руси молодыхъ силъ, готовыхъ лечь костями за отечество. А если ихъ не хватитъ, то на что-нибудь годны же и мы, старики, хотя бы для гарнизонной службы. До тѣхъ поръ, пока каждый изъ насъ, и младъ и старъ, не встанетъ подъ ружье, — не заключайте постыднаго мира. Вамъ нужны средства—но обложёнія насъ не страшатъ; не въ первый и не въ послѣдній разъ принесетъ Россія свое достоинство на алтарь отечества.

«Вамъ говорили, Государь, что Русскій Царь уже не Царь дворянъ и не Царь крестьянъ, — и болѣзненно содрогнулось сердце дворянства, свято памятуя слова державныхъ предковъ Вашихъ, называвшихъ себя Первыми Дворянами Россіи. А что до крестьянства, то кто отважится ему сообщить, что отнынѣ Русскій Царь не его Царь?

«Нѣтъ, Государь! Вы попрежнему Царь дворянъ и Царь крестьянъ, и всѣхъ другихъ сословій и Царь каждого изъ насъ. Именно потому, что Царь всея Руси есть Царь каждого и всѣхъ—Онъ является естествен-

нымъ представителемъ всего русскаго народа. Онъ одинъ—и никто иной.

«Нынѣ, когда Вашему Величеству благоугодно увѣнчать завѣтную пожеланія Вашихъ подданныхъ и ослѣдствовать Россію призывомъ къ совѣту выборныхъ людей, мы просимъ Ваше Величество вызвать этихъ избранниковъ изъ освященныхъ исторіей нашей бытовыхъ группъ. Къ такимъ выборамъ Россія давно привыкла. Они представляютъ Вамъ лицъ опытныхъ и разумныхъ, хорошо освѣдомленныхъ объ истинныхъ нуждахъ своихъ согражданъ. Иначе, выборы выдвинутъ разрядъ людей, которыхъ мы опасаемся и съ которыми Россія хорошо знакома по ихъ разрушительной дѣятельности. Это люди словоохотливые, одаренные краснорѣчіемъ, но для которыхъ суть дѣла и корень вопросовъ всегда готовы ступать передъ красотою слова. Такие представители неминуемо образуютъ между Царемъ и народомъ преграду, черезъ которую голосу народа трудно будетъ восходить до Вашего Величества.

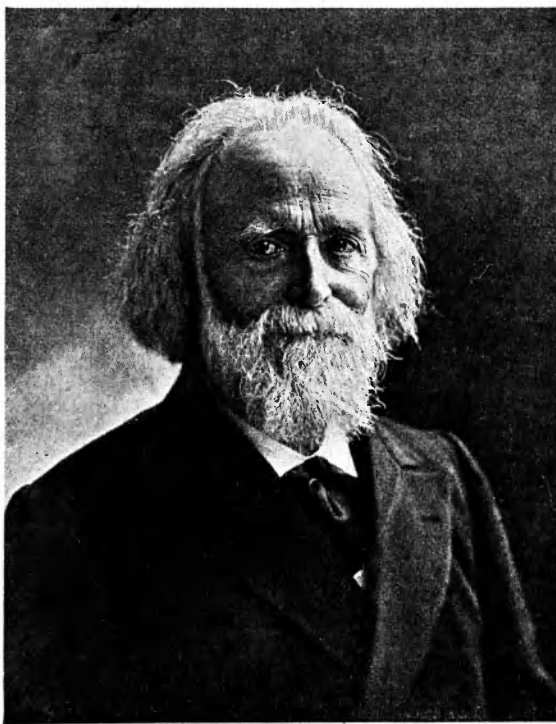
«Государь! Избавьте насъ отъ этого средостѣнія путемъ установленія выборовъ отъ бытовыхъ группъ. Тогда, и только тогда, Вы всегда будете слышать истинный голосъ народа Вашего, голосъ простой, быть-можетъ, не краснорѣчивый, но исполненный правды и вѣроподданнической преданности Россіи и своему Государю».

Послѣ гласнаго графа Бобринскаго имѣлъ счастье говорить гласный орловскаго губернскаго земскаго собранія Нарышкинъ, который произнесъ слѣдующую рѣчь:

«Ваше Императорское Величество!

«Благоволите разрѣшить мнѣ, въ дополненіе къ выраженному моими сотоварищами, сказать нѣсколько словъ, долженствующихъ послужить нѣкоторымъ оправданіемъ нашего ходатайства о милостивомъ приѣмѣ, который Вы соизволили оказать намъ.

«Съ трепетнымъ благоговѣніемъ услышавъ о рѣшеніи. Вашемъ созывать выборныхъ отъ земли для участія въ законодательныхъ

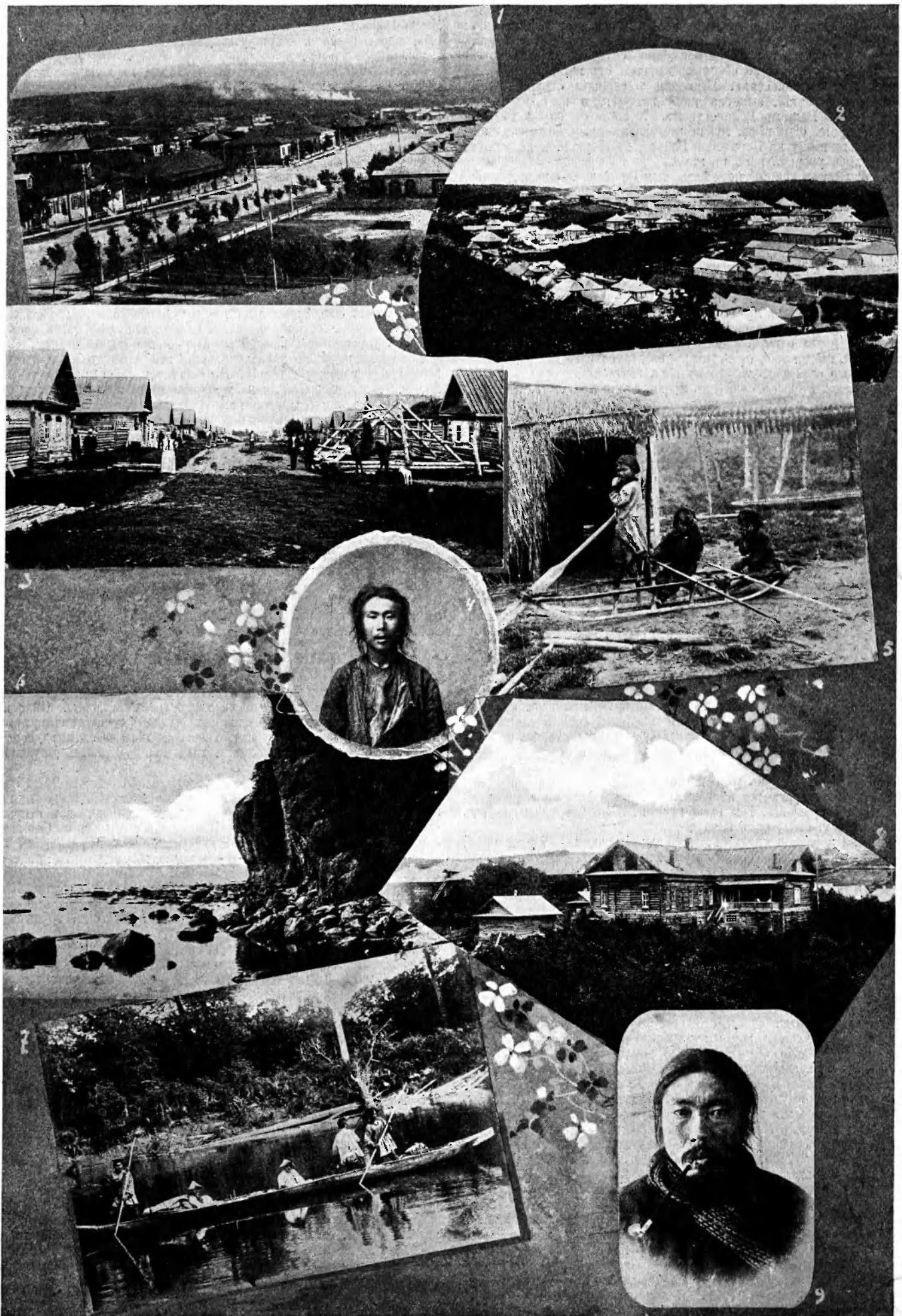

З. Реню († 21 іюня 1905 г.). По фот. авт. «Нивы».

1) Главная улица поста Корсаковского. 2) Ёздовые олени на р. Поронай на Сахалинѣ. 3) Постъ Корсаковский. 4) Мысъ Жонкьеръ и „Три брата“. 5) Типъ аина. 6) Селеніе Могунъ-Катанъ. Типъ бѣднаго сахалинскаго поселка. 7) Селеніе Оноръ (Тымскій округъ). 8) Маякъ въ посту Александровскомъ. 9) Домъ бывшаго японск. консульства на Сахалинѣ въ посту Корсаковскомъ.

Къ захвату о. Сахалина японцами.

1) Главная улица въ посту Александровскомъ. 2) Постъ Корсаковскій. 3) Селеніе Галкино-Врасское. 4) Типъ гиліака на Сахалинѣ. 5) Игра аинскихъ дѣтей. 6) По западному берегу южной части острова. 7) Путешествіе гиліаковъ на лодкѣ по р. Поронаю. 8) Домъ начальника округа въ п. Корсаковскомъ. 9) Типъ гиліака.

Къ захвату Сахалина японцами. По фот. авт. «Нивы».

работах, мы не тщились образовывать партию, отобравъ единомышленниковъ изъ состава существующихъ общественныхъ установлений, и не знаемъ, примкнетъ ли къ намъ ихъ большинство; но мы убеждены, что мыслимъ едино съ огромнымъ большинствомъ коренного русскаго народа. Живя общюю съ нимъ жизнью, по заветамъ предковъ, мы не обособляемъ себя отъ него, въ качествѣ «образованныхъ классовъ». Широкая жизненная струя, помимо всякихъ организаций, вынесла насъ впередъ, и вотъ мы стоимъ предъ Вашимъ Величествомъ. У насъ съ народомъ одно міросозерцаніе, одна вѣра, мы не можемъ измѣнить нашимъ неконнымъ отношеніямъ къ Верховной Власти, къ Церкви, и не боимся, что кто-либо укоритъ насъ въ этомъ.

«Ужасныя потрясенія, переживаемыя Россіею, обнаружили наше внутреннее нестроеніе и вызвали всеобщее смущеніе. Лучшие люди не могли оставаться въ бездѣйствіи. Поэтому намъ не должно осуждать — да не будемъ сами судимы — дѣятелей, собравшихся для общаго мнѣнія о томъ, какъ помочь общей бѣдѣ. Но не можемъ, однако, признать ихъ заключеній за выраженіе мнѣнія всей страны.

«Русскому государственному строю, издавна слагавшемуся, не свойственно «представительство», въ смыслѣ органа народнаго самодержавства (да въ этомъ призрачномъ понятіи уже разочаровались), ибо державныя права Руси Великой воплощаются въ лицѣ Царя. Между тѣмъ, въ самое послѣднее время распространилась тревожная молва о возможности воспріятія нѣкоторыхъ изъ тѣхъ заключеній, именно объ основаніи избирательнаго порядка, представляющаго опасность такого подбора выборныхъ, при коемъ собраніе явилось бы не советомъ земли, каковы были наши старые земскіе соборы, а попыткой парламентарнаго учрежденія, съ тѣми послѣдствіями, которыя и на Западѣ вызываютъ жалобы со стороны многихъ мудрѣйшихъ людей.

«Наконецъ, хотя изъ Московскаго Царства Россія стала міровою Имперіею, включившею въ себя многія разноплеменные народности, изъ коихъ нѣкоторыя имѣютъ свое историческое прошлое, и справедливость, безъ сомнѣнія, требуетъ предоставить имъ выразить свои мнѣнія и нужды чрезъ своихъ выборныхъ, — но она должна сохранить образъ государства національнаго, преобладающій голосъ принадлежать въ немъ, по праву, тому народу, который создалъ великую державу и выносить ее изъ всякихъ бѣдъ и испытаний на своихъ плечахъ.

«Вотъ мысли, которыя мы считали вѣрно поданнымъ долгомъ своимъ повергнуть на милостивое вниманіе Вашего Величества. «Всему землю, отъ глубины души, молимъ мы Бога о спасеніи нашего Государя и Отечества отъ нынѣшней тяжелой бѣды».

Затѣмъ имѣли счастье произнести привѣтствія мѣщанинъ Матросовъ и крестьянннхъ Грининыхъ, которые высказали, что крестьяне и рабочіе готовы пожертвовать всѣмъ для пользы Царя и родины, чтобы помочь побѣдить врага и возстановить порядокъ.

Милостиво выслушавъ всѣ изложенныя выше привѣтствія, Государь Императоръ удостоилъ собравшихся слѣдующими словами:

«Искренно благодарю васъ всѣхъ, господа, и васъ также, братцы, за мысли и чувства, которыя привели васъ ко Мнѣ.

«Мнѣ въ особенности отрадно то, что вами руководили чувства преданности и любви къ родной старинѣ.

«Только то государство и сильно, и крѣпко, которое свято хранитъ заветы прошлаго. Мы сами противъ этого погрѣшили, и Богъ за это, можетъ-быть, насъ и караетъ.

«Что же касается опасеній, вами выраженныхъ, — скажу вамъ, что сама жизнь укажетъ намъ пути къ устраниенію тѣхъ несовершенствъ и погрѣшностей, которыми могутъ оказаться въ такомъ новомъ и большомъ дѣлѣ, которое Я задумалъ на благо всѣхъ Моихъ подданныхъ.

«Убѣждены, что вы всѣ и каждый въ своемъ кругу поможете Мнѣ водворить миръ и тишину въ землѣ нашей и тѣмъ самымъ сослужите Мнѣ ту службу, которую Я отъ всѣхъ вѣрныхъ Моихъ подданныхъ ожидаю, въ чемъ Господь Богъ вамъ и да поможетъ».

3. Реклю. (Портр. на стр. 555).

21-го іюня въ Бельгій, въ Туру, скончался знаменитый географъ, Элизэ Реклю.

Рѣдко встрѣчаются такіе энциклопедисты и всесторонніе знатоки въ какой-либо области знаний, какъ покойный французскій ученый и писатель. Его, по справедливости, сравниваютъ съ не менѣе знаменитымъ Брэмомъ: подобно Брэму, создавшему колоссальный энциклопедическій трудъ «Жизнь животныхъ», Э. Реклю создалъ грандіозный трудъ описанія земли — «Всѣобщую географію». Оба писателя оставили послѣ себя неоцѣнимое наслѣдство знаний, воплощенное въ огромные томы увлекательно написанныхъ сочиненій, трактующихъ о землѣ и о ея безчисленныхъ и многообразныхъ обитателяхъ.

Кому изъ насъ неизвѣстно имя Элизэ Реклю? Кто изъ насъ не зачитывался его «Всѣобщей географіей» и другимъ еще болѣе известнымъ его произведеніемъ «Земля и люди»? Яркія картины природы, занимательныя нравы и обычаи обитателей разныхъ странъ, великолѣпно описываемыя увлекательнымъ перомъ «великаго географа», затмевали своимъ блескомъ сочиненія излюбленныхъ нашихъ друзей, Густава Эмара и Майнъ-Рида, и вселили въ насъ страстное желаніе путешествовать, посѣщать всѣ тѣ чудесныя уголки земнаго шара, о которыхъ такъ живо и увлекательно повѣствовало французскій географъ. Элизэ Реклю слѣдуетъ, по справедливости, считать однимъ изъ величайшихъ вос-

питателей и наставниковъ юности, наравнѣ съ только-что упомянутымъ Брэмомъ, и съ другимъ знаменитымъ «поэтомъ науки» Жюль-Верномъ, который, кстати сказать, весьма часто черпалъ свое вдохновеніе и маршруты для своихъ героевъ, именно, изъ сочиненій Э. Реклю.

Жакъ-Элизэ Реклю родился въ 1830 году, въ департаментѣ Жиронды (въ мѣстечкѣ Sainte-Foy-la-Grande), и былъ сыномъ протестантскаго пастора. Еще въ юныхъ годахъ онъ почувствовалъ непреодолимое желаніе путешествовать, и вмѣстѣ съ этимъ сталъ усиленно и серьезно заниматься географіей. Онъ много путешествовалъ, посѣтилъ Германію, Венгрію, Англію и другія страны, и изучалъ ихъ языки. Во время своего пребыванія въ Германіи Э. Реклю слушалъ лекціи въ берлинскомъ университетѣ.

Вернувшись во Францію, онъ помѣстился въ журналахъ «Revue de Deux Mondes» и «Tour du Monde» цѣлый рядъ статей, въ которыхъ изложилъ результаты своихъ путешествій и занятій по географіи. Статьи эти были замѣчены публикою и положили начало громкой литературной и научной дѣятельности Э. Реклю.

Главными трудами покойнаго писателя считаются: «Voyage à Sierra Nevada», «Histoire d'un ruisseau», «Histoire d'une montagne», и въ особенности, знаменитое его сочиненіе «La Terre et les hommes». Этотъ послѣдній трудъ переведенъ на многіе языки, между прочимъ, на нашъ языкъ, и подъ заглавіемъ «Земля и люди» служитъ украшеніемъ каждой популярно-научной бібліотеки.

Нужно ли подробно характеризовать это замѣчательное и столь популярное у насъ сочиненіе? По богатству содержанія и талантливости изложенія «Земля и люди» настолько же отличается отъ обычныхъ ученыхъ трактатовъ, насколько отличается великолѣпная картина отъ схематически-начерченного плана. «Земля и люди» представляетъ собою на рѣдкость дружный и счастливый союзъ науки съ поэзіей и художественностью.

Въ своей частной жизни Элизэ Реклю подвергался тяжелымъ бурямъ и невзгодамъ. Его политическія убѣжденія, рѣзко выражавшіяся, благодаря прямолинейности и опредѣленности его характера, навлекли на него изгнаніе изъ Франціи, и Э. Реклю принужденъ былъ жить въ Италіи и Швейцаріи.

Въ 1883 году онъ снова былъ замѣнанъ въ одномъ громкомъ процессѣ анархистовъ и опять-таки долженъ былъ въ слѣдствіе этого провести большую часть своей жизни за границей. Въ послѣднее время, начиная съ 1893 года, Реклю жилъ въ Брюсселѣ, занимая катедру географіи въ мѣстномъ «свободномъ университетѣ». На этомъ посту его и застала смерть. Э. Реклю скончался уже въ преклонныхъ лѣтахъ—75 лѣтъ отъ роду.

Занятіе о. Сахалина японцами.

(Рис. на стр. 556 и 557).

Едва разразилась Цусимская катастрофа, — немедленно начались толки о возникающей опасности для острова Сахалина. Опасенія эти, къ сожалѣнію, уже оправдались: Сахалинъ подвергся вторженію японцевъ. По послѣднимъ извѣстіямъ, японцы высадили десантъ на территоріи острова и тѣснятъ тамъ наши дружины добровольцевъ изъ ссыльно-каторжныхъ.

25-го іюня генералъ Линевичъ телеграфировалъ, что 24-го іюня японцы заняли на о. Сахалинѣ постъ Корсаковский. 25-го іюня въ 8 часовъ утра въ бухту Лососей вошли два миноносца и открыли огонь по Соловьевской позиціи. Корсаковский отрядъ съ Соловьевской позиціи сталъ отходить на сѣверъ. Конница противника заняла Соловьевку. Въ Корсаковскомъ высадились десантъ японцевъ въ составѣ всѣхъ трехъ родовъ оружія.

По дополнительнымъ частнымъ свѣдѣніямъ, русскіе сожгли Корсаковский постъ и отступили къ Владиміровкѣ. Высадка японцевъ была совершена на разсвѣтъ 24-го іюня, причемъ всего высадилося до 12.000 человекъ съ артиллеріей.

27-го іюня ген. Линевичъ донесъ далѣе, что по полученному донесенію Корсаковский постъ былъ оставленъ послѣ того, какъ были разстрѣляны всѣ патроны съ «Новика» и флотъ противника открылъ жестокой артиллерійскій огонь по посту. Береговые орудія были взорваны, всѣ склады и казенныя зданія преданы пламени. На укрѣпленной позиціи у Соловьевки отрядъ обстрѣливался артиллеріей миноносца отряда японцевъ и потому отошелъ на сѣверъ.

Слѣдующая затѣмъ телеграмма нашего главнокомандующаго сообщаетъ, что «одинъ изъ нашихъ отрядовъ въ ночь съ 27-го на 28-ое между Еланью и Владиміровкой имѣлъ бой, доведенный до штыковъ, съ противникомъ въ значительныхъ силахъ». По японскимъ свѣдѣніямъ, Корсаковский постъ горѣлъ до 27-го іюня и почти совершенно уничтоженъ. Японцы будто бы взяли въ плѣнъ 80 человекъ съ офицеромъ, нѣсколько орудій и пулеметъ. Эти послѣднія новости, конечно, нуждаются еще въ подтвержденіи.

Наконецъ, позднѣйшее донесеніе ген. Линевича содержитъ въ себѣ извѣстіе о томъ, что «японскія суда бомбардируютъ Найбучи—мѣстечко на восточномъ берегу южнаго Сахалина».

Вотъ покаместъ и всѣ свѣдѣнія о той трагедіи, которая разыгрывается теперь на далекомъ «Соколиномъ островѣ»; такимъ образомъ, о Сахалинѣ, о его географіи и исторіи, о его туземномъ населеніи—гилякахъ, аинахъ и орочонахъ—намъ уже не разъ приходилось говорить на страницахъ «Нивы».

Постараемся освѣтить въ памяти читателей лишь только то, что касается мѣстностей, упоминаемыхъ въ донесеніяхъ генерала Линевича,—тѣхъ мѣстностей, которымъ суждено теперь играть особо-выдающуюся роль въ трагедіи русско-японской войны.

Что такое представляют собою посты Корсаковский, Владимировка, Соловьевка, Елань, Найбучи?

«Столица южного Сахалина» — ныне разрушенный пост Корсаковский основан в 1869 году и в последнее время имела вид приличного небольшого городка с новенькими деревянными постройками и скромной, но красивою белою церковью. Построен он был как раз на том месте, где прежде существовали обширные японские рыбные ловли — и поэтому на многих его постройках до некоторой степени все еще сказывался японский «стиль». В Корсаковском посту имела одна из главнейших и наиболее населенных сахалинских тюрем.

Соловьевка, о которой говорить первый из вышеприведенных телеграмм, находится на четвертой версте от Корсаковского поста. Из всех сахалинских селений Соловьевка занимает особо выгодную позицию — на самом берегу моря и вблизи рыбной речки Сусун. Население до последних событий с успехом (что очень редко на Сахалине) занималось скотоводством и сбыло хлеба.

В тех же, приблизительно, местах находятся и селения Елань и Владимировка. «Еланью» на Сахалине называется, вообще, всякая приречная долина, покрытая лесом: в такой, именно, долине и расположено первое из упомянутых селений. Второе селение — Владимировка — лежит в пяти верстах далее и носит еще другое название «Черная речка». И как же непохожа она на оживленную и покрытую щегольскими дачами петербургскую «Черную речку»!

За небольшим перевалом, ограничивающим бассейн речки Сусун, которая орошает местности упомянутых селений, находится долина, орошаемая речкою Найбой. Там, в долине этой речки, на восточном берегу южного Сахалина лежат захудалое местечко Найбучи, подвергшееся между 1 и 2 июля японской бомбардировки.

А. П. Чехов в своем «Острове Сахалине» так характеризует этот заброшенный, приютившийся на берегу Тихого океана, уголок:

«Море, на вид холодное, мутное, ревет, и высокие сдвигая волны бьются о песок, как бы желая сказать в отчаянии: «Боже, зачем Ты нас создал?» Это уже Великий или Тихий океан. На этом берегу Найбучи слышно, как на постройках стучат топорами каторжные, а на том берегу, далеко, воображаемом, Америка. Налетно видны в тумане сахалинские мысы, направо тоже мысы. А кругом ни одной живой души, ни птицы, ни мухи, и кажется непонятным, для кого здесь ревет волны, кто их

слушает здесь по ночам, что им нужно, и, наконец, для кого они будут реветь, когда я уйду?»

Южный Сахалин славится рыбными ловлями и, в особенности, изобилием сельди, которая с давних пор служила японцам не только пищей, но и главнейшим удобрением их рисовых полей. Еще и до войны японцы имели здесь рыбные фактории и получали рыбу от русских промышленников. Теперь же, с переходом Сахалина в их руки, они, навстречу, организуют там колоссальные промыслы.

Сахалин привлекает к себе и в стратегическом отношении. Протянувшись узкой полосой вдоль амурского побережья, он, что называется, командует и устьем Амура и даже Владивостоком. Обладание Сахалином дает возможность до известной степени держать в руках и эти пункты.

Одним словом, занятие японцами Сахалина сулит нам крупные осложнения как в войне, так и в вопросе о мире.

Московский градоначальник граф П. П. Шувалов, убитый, 28 июня в Москве.
По фот. авт. «Нивы».

Граф П. П. Шувалов.

(С портр. и рис. на этой стр.)

28 июня вся Москва была взволнована новым печальным событием: московский градоначальник, граф Павел Павлович Шувалов, недавно назначенный на эту должность, пал от руки убийцы.

На приеме у градоначальника в этот день было очень много лиц. И, вот, когда граф П. П. Шувалов обходил ряды просителей, один из них моментально выхватил револьвер и из-за спины другого просителя произвел в графа пять выстрелов. Граф тут же упал и в непродолжительном времени скончался. Одна из пуль попала ему в сердце, другая в живот. Убийца был немедленно задержан и в настоящее время уже предан суду.

Он оказался известным преступником, уже арестованным по другому делу, но недавно бегавшим из московского арестного дома.

Убийство графа П. П. Шувалова произвело на всех присутствовавших на приеме крайне удручающее впечатление. На убийцу бросились, били его и могли бы убить, если бы поспешившие на помощь служители и полицейские не освободили его из рук толпы. По словам очевидцев, он пытался застрелиться, но какая-то дама вцепилась ему зубами в руку и не дала ему сделать это.

Граф Павел Павлович Шувалов происходит из очень известной семьи: он сын гр. П. А. Шувалова, бывшего русского

Перевозка тела графа П. П. Шувалова. Лития у Троицкого собора в Петербурге.
По фот. К. Булла авт. «Нивы».

посла въ Берлинъ. Семейныя же связи соединяють его съ другою не менѣе извѣстной семьею: онъ былъ женатъ на дочери кавказскаго наѣстника гр. П. П. Воронцова-Дашкова. Родился онъ въ 1859 г. и получилъ воспитаніе въ пажескомъ корпусѣ, откуда вышелъ въ 1877 году прапорщикомъ въ гвардейскую конную артиллерию. Въ томъ же году гр. П. П. Шуваловъ принялъ участіе въ русско-турецкой войнѣ и получилъ нѣсколько наградъ за дѣйствія противъ турокъ.

По окончаніи войны покойный былъ причисленъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ и, спустя нѣкоторое время, получилъ назначеніе на должность одесскаго градоначальника.

Въ 1903 году гр. П. П. Шуваловъ покинулъ свою должность въ Одессѣ и былъ назначенъ генераломъ для порученій при министрѣ внутреннихъ дѣлъ. А весьма недавно, незадолго до своей трагической кончины, онъ получилъ назначеніе въ Москву, гдѣ онъ и сразился пуля убійцы.

Графа П. П. Шувалова въ Москвѣ, да и вездѣ, гдѣ онъ служилъ, чрезвычайно цѣнили, какъ энергичнаго и исполненнаго чувства долга человека. Въ высшей степени дѣятельный слуга государства, онъ заслужилъ теплыя симпатіи, и какъ личность, вообще. Яркой характеристикой его личности можетъ служить хотя бы слѣдующій, недавно опубликованный въ газетахъ его приказъ по полиціи:

«Изъ числа просителей, ежедневно ко мнѣ обращающихся, значительная часть возбудяетъ такого рода ходатайства, удовлетвореніе которыхъ по существу хотя и не зависитъ непосредственно отъ административной власти, но, во всякомъ случаѣ, при доброжелательномъ отношеніи, власть эта всегда имѣетъ возможность въ значительной мѣрѣ способствовать тому, чтобы ходатайство просителя увѣчалось успѣхомъ, почему просители указанной категоріи и направляются мною непосредственно къ гг. приставамъ при содѣйствующихъ препроводительныхъ запискахъ.

«Принимая во вниманіе, что за послѣднее время были случаи, когда просители, побывъ у подлежащаго пристава, возвращались ко мнѣ удовлетворенными недостаточно и лишь съ чисто формальной стороны,—я обращаю на это вниманіе гг. приставовъ и предлагаю имъ на будущее время относиться самымъ участливымъ, доброжелательнымъ образомъ не только къ такимъ просителямъ, кои направляются отъ меня, но и вообще ко всемъ лицамъ, обращающимся къ чинамъ полиціи за законнымъ содѣйствіемъ — непосредственно, памятуя, что полицейская власть только тогда окажется на высотѣ своего положенія, когда обыватели будутъ прибѣгать къ ней охотно и съ полнымъ довѣріемъ».

Потому-то покойнаго графа искренно и жалѣють всѣ, кто хотя сколько-нибудь знаетъ его: прекрасныя слова его приказа отноды не были только словами, но гр. П. П. Шуваловъ, какъ человекъ дѣла, всегда старался провести ихъ въ жизнь... И тѣмъ болѣе досадною и обидною кажется его трагическая смерть, вызванная какими-то совершенно непонятными обстоятельствами, не имѣющими никакого оправданія въ личной дѣятельности убитаго.

Участіе Китая въ мирныхъ переговорахъ.

(Политическое обозрѣніе).

Еще далеко не закончена кровавая борьба въ Манчжуріи, но уже родилась сладкая надежда на возможность ея прекращенія. Всѣ цивилизованный міръ ободченно вздохнулъ при вѣсти объ окончательномъ рѣшеніи воюющихъ державъ приступить къ мирнымъ переговорамъ въ Вашингтонѣ. Быть-можетъ, переговоры эти и не дадутъ въ ближайшемъ будущемъ никакихъ осязаемыхъ результатовъ въ видѣ временнаго перемирія, быть-можетъ японскія требованія, возрастающія отъ ряда нашихъ неудачъ и отъ роста внутренней смуты, окажутся непреодолимыми даже съ точки зрѣнія самой миролюбивой русской уступчивости — и все-таки начало мирныхъ переговоровъ надо приветствовать не только какъ торжество общечеловѣческой цивилизаціи, но также и съ чисто-русской точки зрѣнія: ознакомившись съ настоящими японцевъ, русское общество само убѣдится, увидитъ воочию, возможенъ ли или невозможенъ миръ на предъявленныхъ условіяхъ, получить ясное и осознательное представленіе о томъ, во имя чего ведется эта неспасательная война. Каковы бы ни были окончательный исходъ вашингтонскихъ переговоровъ, ихъ нужно горячо приветствовать, потому что они или положить конецъ войнѣ, или же сдѣлають ее болѣе сознательною, болѣе національною, что въ высшей степени необходимо для сколько-нибудь удачнаго веденія кровавой борьбы.

Словесная и духовная борьба уполномоченныхъ обѣихъ странъ будетъ тоже въ высшей степени убойной и тяжелой. Нелегко примирить требованіе упоеннаго побѣдами, экзальтированнаго и плохо знающаго внутреннюю мощь врага — съ уваженіемъ къ національной гор-

дости русскаго народа. Когда одна сторона совершенно истощила свои ресурсы, когда побѣдитель повергъ побѣжденнаго на землю и наступилъ ему копытомъ на грудь, когда его побѣдоносныя арміи захватили столицу и большую половину территоріи противника, тогда утрачивается всякая энергія и волевого, и дипломатическаго сопротивленія, и мирныя условія подписываются въ нѣсколько часовъ. Но Россія вовсе не находится въ такомъ положеніи. Отъ ея столицъ непріятельскія арміи отстоятъ на десять тысячъ верстъ. Ея территорія остается почти неприкосновенной, если не считать высадки японскаго десанта на Корсаковскомъ посту острова Сахалина. Продолжать войну мы можемъ еще много мѣсяцевъ, особенно если непомѣрные требованія японцевъ возбудятъ протестъ и національное чувство всего русскаго народа. Такимъ образомъ, главнымъ шансомъ на успѣхъ переговоровъ остается умѣренность японскихъ уполномоченныхъ, но на нее трудно разсчитывать, потому что они все время будутъ находиться подъ прессомъ разпаленнаго побѣдами общественнаго мнѣнія Японіи.

Первый, такъ сказать, предварительный періодъ переговоровъ неожиданно осложнился попыткой Китая вступить въ нихъ, въ качествѣ «третьего лица». Съ юридической точки зрѣнія его права совершенно неоспоримы. Отъ всѣхъ предшествовавшихъ войнъ выигранный отличается именно тѣмъ, что ведется воюющими націями на территоріи нейтральнаго третьяго союда. Онъ формальнаго участія въ военныхъ дѣйствіяхъ не принимаетъ, но страдать отъ нихъ, пожалуй, не меньше, чѣмъ и сами воюющіе. Борьба огромныхъ армій опустошила цѣлые округа, разорила безчисленное количество китайскихъ деревень и даже городовъ. Подожми, но мѣрѣ силъ и возможности, русская армія возмещаетъ убытки и протеря мирныхъ земледѣльцевъ Манчжуріи, а съ другой стороны содержаніе ея служитъ для той же Манчжуріи источникомъ колоссальныхъ доходовъ, но все это нисколько не лишаетъ Китай права считать себя обиженною и пострадавшею стороною. При томъ же, условія мирнаго договора, который установитъ новое положеніе на Востокѣ, не могутъ такъ или иначе не коснуться Китая, изъ-за территоріи котораго разгорѣлся весь этотъ кровавый споръ. Конечно, разъ онъ не воевалъ, то странно было бы допускать его къ участію въ мирныхъ переговорахъ, но въ то же время и не принимать въ расчетъ желаній пробуждающагося къ политической жизни четырехсотъ-милліоннаго народа было бы по меньшей мѣрѣ неадекватно. Съ неизбежной ликвидаціей агрессивной политики на Дальнемъ Востокѣ Россія должна вновь вернуться къ старымъ традиціямъ вѣковой дружбы и миролюбиваго сожитія съ своимъ великимъ сосѣдомъ. Въ частномъ договорѣ съ неискреннимъ правительствомъ она должна бы выработать основы взаимнаго соглашенія, которыя были бы приняты въ расчетъ и при обсужденіи условій мира въ Вашингтонѣ. Игнорировать Китай непрежнему и лишать его права голоса въ рѣшеніи его собственной участи было бы просто рискованно. Правда, онъ не участвовалъ въ войнѣ, но это не лишаетъ его возможности, подымающаго той же Японіи или Англіи, поднять оружіе противъ насъ черезъ нѣсколько лѣтъ спустя. Миръ хорошъ только прочный, а не такой, который оставляетъ смена будущихъ войнъ, прикрывая ихъ теплымъ и питательнымъ дипломатическимъ удобреніемъ. Всѣ газетныя сообщенія изъ Китая свидѣтельствуютъ о несомнѣнномъ пробужденіи національнаго самосознанія въ этой странѣ, подготовленнаго предшествовавшими иностранными захватами и особенно коалиціоннымъ вторженіемъ иностранныхъ войскъ. Вѣроятно естественно, что Китай теперь, разставшись съ традиціоннымъ миролюбіемъ, по примѣру Японіи, заботится о развитіи своихъ вооруженныхъ силъ и для перваго раза удвоилъ количество организованныхъ на японскій образецъ дивизій съ трехъ до шести. Пройдетъ какихъ-нибудь 10 лѣтъ, и подъ бокомъ у насъ вырастетъ новая полумилліонная армія, враждебно настроенная противъ Россіи. Высшая забота дипломатіи должна заключаться не въ томъ, чтобы создавать действительную «желтую опасность», а въ томъ, чтобы благоразумно предупредить ее, вернувшись къ исконнымъ заветамъ добрососѣдскаго миролюбія. Въ высшей степени характерно, что Японія посѣпила отвергнуть китайскія требованія о допущеніи къ участію въ переговорахъ и, по словамъ англійскихъ корреспондентовъ, заподозрѣла въ китайскихъ настоящихъ «дѣла рукъ русскихъ дипломатовъ». На предупрежденіе Китая, что онъ откажется признать какия бы то ни было русско-японскія соглашенія относительно его территоріальныхъ правъ, японцы выражаютъ увѣренность, что японскіе дипломаты лучше соблюдаютъ пользы Китая, чѣмъ китайскіе. Присоединившись къ этой точкѣ зрѣнія, русская дипломатія сдѣлаетъ большую ошибку: такимъ шагомъ она до начала мирныхъ переговоровъ какъ бы признаетъ уже японскій протекторатъ надъ Китаемъ.

Содержаніе.

Т Е К С Т Ъ: Волченковъ. Новѣсть П. П. Гнѣдича. (Продолженіе). — Событія въ Одессѣ и бунтъ на броненосцѣ «Князь Потемкинъ». — Туши. Стѣх. З. Соломурскаго. Вторая депутація у Государя Императора. — Э. Реклю. — Занятіе о. Сахалина японцами. — Графъ П. П. Шуваловъ — участіе Китая въ мирныхъ переговорахъ. (Политическое обозрѣніе). — Озъявленія. Р И С У Н К И: Юльскій день. — Грозная контрастъ. — У ому. — Бѣлая лилія. — Одесса. Средній Фонтанъ. — Къ событіямъ въ Одессѣ. 1) Сгорѣвшіе и затонувшіе пароходы «Платонъ», «Сергій» и «Екатерина». 2) Катеръ, взявшій одинъ изъ пароходовъ на буксиръ, посланный съ броненосца «Кн. Потемкинъ-Тавричскій». 3) Остатки сгорѣвшей эскадры у приморской лѣстницы. 4) Сгорѣвшіе склады съ солью и остатки грудъ соли. 5) Сгорѣвшій пароходъ Россійскаго Общества «Петръ». 6) Сгорѣвшая гавань, пакгаузы и пароходы Русскаго Общества Пароходства и Торговли. 7) Брешь, произведенная вторымъ снарядомъ съ броненосца «Князь Потемкинъ-Тавричскій», попавшимъ въ д. Стрелетова на Бугаевкѣ. Задній фасадъ. 8) Пожреженіе, причиненное первымъ снарядомъ съ броненосца «Князь Потемкинъ-Тавричскій», попавшимъ на Нѣжинскую улицу, въ домъ Фельдмана. 9) Брешь, произведенная вторымъ снарядомъ съ броненосца «Князь Потемкинъ-Тавричскій», попавшимъ въ д. Стрелетова на Бугаевкѣ. Передній фасадъ. 10) Видъ разграбленныхъ и сожженныхъ пакгаузовъ Русскаго Общества Пароходства и Торговли. 11) Сгорѣвшая эскадра и вагоны съ грузомъ подъ ней. 12) Одинъ изъ проходовъ въ гавань и изъ гавани, охраняемый войсками. 13) Видъ уцѣлѣвшаго устоя подъ эскадрой. — Э. Реклю. — 1) Къ захвату о. Сахалина японцами. 2) Къ захвату о. Сахалина японцами. — Московскій градоначальникъ графъ П. П. Шуваловъ. — Перевезеніе тѣла графа П. П. Шувалова.

Къ этому № прилагается: «Полнаго собранія сочиненій А. Н. Шеллера-Михайлова» книга 36.

Редакторъ-издат. А. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. И. Святловъ.

